

**ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК**

**АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ ПСКОВА
И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ**

**Тезисы докладов предстоящей научно-практической
конференции**

Псков, 1986

В. В. Седов

ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Такие форумы проводятся раз в 5 лет Международной унией славянской археологии — научной организацией, призванной координировать исследования в области археологии и ранней истории славянства посредством проведения симпозиумов по наиболее актуальным темам, осуществления международных публикаций и организации международных раскопок наиболее значимых памятников. Созданная в 1965 г. в Варшаве во время I Конгресса Международная уния славянской археологии ныне объединяет ученых 19 европейских стран, прежде всего археологов, но также антропологов, медиевистов, лингвистов, топонимистов, искусствоведов, нумизматов, палеографов и других исследователей, разрабатывающих самые различные вопросы истории, культуры и этногенеза славян, начиная с глубокой древности до XIV столетия включительно.

Пятый Международный Конгресс славянской археологии состоялся в одном из древнейших городов — Киеве 18—25 сентября 1985 г. В его работе участвовало 346 ученых. Из зарубежных наиболее представительными были делегации Болгарии, Польши, Чехословакии и ГДР. В составе делегации СССР, возглавляемой президентом Конгресса академиком Б. А. Рыбаковым, были представители академических институтов, различных вузов и крупнейших музеев из Москвы, Киева, Ленинграда, Минска, Кишинева и 20 других городов. Было заслушано и обсуждено 274 доклада и сообщения, в том числе 10 на пленарных заседаниях. Выступления были распределены по 6 секциям: «Происхождение и эволюция раннесредневекового города», «Жизнь и быт раннесредневекового города», «Средневековый город и его округа», «Города, их культурные и торговые связи», «Архитектура, искусство и духовная культура» и «Древние славяне и их соседи».

Главной темой Конгресса была избрана «Славянский средневековый город». Актуальность ее обусловлена тем, что за последние десятилетия археологическими раскопками во многих городах славянского мира было собрано огромное число фактических материалов как для решения важнейших историко-культурных тем,

так и для освещения и детализации многих вопросов городской жизни славянства, которые не поддавались изучению.

В изучении раннесредневекового города важнейшей является проблема его возникновения и генезиса на раннем этапе. В разных регионах славянского мира, занимавшего в начале средневековья обширные пространства Европы от Эльбы на западе до бассейнов Дона и Волги на востоке и от Балтики и Приладожья на севере до Пелопоннеса на юге, этот процесс имел некоторые специфические особенности. Выделяются три основных региона. Самый обширный охватывал восточнославянские земли и основные части Польши и Чехословакии. Области южнославянского расселения образовали второй регион, а славянские земли, примыкающие к Балтийскому морю, — третий. Анализу градообразования и начального градостроительства в этих регионах были посвящены три пленарных доклада: В. В. Седова «Начало городов на Руси», Д. Ангелова, Д. Овчарова и А. Попова (Болгария) «Возникновение и развитие болгарского средневекового города» и И. Геррманна (ГДР) «Роль торговых факторий VIII—X вв. в развитии городов».

В первом регионе градообразование было исключительно результатом социально-экономического развития славянского общества. На первом этапе (на Руси он датируется VII—IX вв.) возникают укрепленные ремесленно-торговые поселения — протогорода. В IX в. на основе тех, которые совмещали в себе и политические и культовые функции, вырастают города. Далее процесс градостроительства на Руси протекал активно и бурно и обусловлен был прежде всего экономическими причинами, а в ряде случаев и княжеской деятельностью.

Специфические особенности и условия начальной стадии урбанизации отдельных земель первого региона исследовались во многих секционных докладах. Городам Чехии был посвящен доклад М. Рихтера (Чехословакия), Великой Моравии — Б. Достала (Чехословакия), Польши А. Зберского и Т. Доманского (Польша), междуречья Эльбы и Одера — А. Грингмут-Дальмера. В нескольких выступлениях эта тематика рассматривалась на материалах отдельных славянских городов, в том числе Новгорода, Ладоги, Бранденбурга и др.

На Балканах начальный процесс урбанизации протекал в условиях некоторого античного наследия. В названном выше докладе болгарских исследователей характеризовался город Первого и Второго Болгарских государств. О развитии городов в западной части Балкан речь шла в докладе Д. Бошковица (Югославия). Эта же тема анализировалась в выступлениях археологов Болгарии на основе археологических материалов Тырнова, Плиски и др.

В землях, прилегающих к Балтийскому морю, значительную роль в эволюции социально-экономической жизни и зарождении городов играли пестрые в этническом отношении торговые фактории, возникавшие начиная с VIII в. Ведущая роль в них при-

надлежала купцам, владевшим крупными торговыми дворами, с которыми была связана и вся хозяйственная деятельность.

Большой интерес представляли доклады о градообразовании в соседних со славянами регионах, в частности в Румынии, Венгрии, Эстонии и Латвии. Существенным моментом познания славянского средневекового города является сравнительное сопоставление его с западноевропейским. Эта тематика нашла отражение в докладах Ж. Бланкоффа (Бельгия) «Западноевропейские и древнерусские города», З. Эпперляйн (ГДР) об аналогиях и различиях в развитии городской жизни Руси, Западной и Средней Европы и А. Л. Ястребицкой (СССР) «Городское развитие в средневековой Европе и славянский город».

В большой группе докладов рассматривались вопросы археологии и культуры отдельных славянских городов. Среди них, прежде всего, нужно назвать доклад В. Л. Янина (СССР) о Новгороде, многолетние раскопки которого дали возможность не только восстановить культурную жизнь города, но и проникнуть в тайны социальной структуры и феодального землевладения Новгородской земли. Итогам археологического изучения Киева был посвящен доклад П. П. Толочко (СССР). Б. Хроповский (Чехословакия) рассказал об исследованиях славянского города Нитравы, В. Филиповьяк (Польша) о Волине, В. Антонова (Болгария) о Шумене, К.-В. Штруве (ФРГ) об Ольденбург-Стариграде, в раскопках которого участвуют и украинские археологи, П. Ф. Лысенко (СССР) о Бересте, А. Н. Кирпичников (СССР) о Ладоге, Я. Гурба (Польша) о Червене и т. д. Археологии Пскова были посвящены два доклада. И. К. Лабутина прочитала доклад «Псков в X—XV вв. (историческая топография по данным археологии)». Выступление В. Д. Белецкого было посвящено Довмонтову городу Пскова.

Одной из интереснейших является тема «Духовная жизнь и культура славян». Археологами накоплены достаточные материалы, чтобы проникнуть в тайны миропонимания и идеологии языческих славян. На V Конгрессе эта тематика впервые получила широкое освещение. Доклад Б. А. Рыбакова «Городское язычество Древней Руси» был в центре внимания участников Конгресса. На многих примерах из прикладного искусства, архитектуры и орнаментики было показано, что вся духовная жизнь Древней Руси в IX—XII вв., в том числе мифология, миропонимание, искусство и эпос, была пронизана язычеством. Славянское язычество было развитым и стройным мировоззрением, сопоставимым в ряде мест с греческой мифологией и уходящей корнями к индоевропейскому мифотворчеству. Б. А. Рыбаков показал, что на Руси имелось жреческое сословие, выполнявшее общеплеменные ритуальные действия. Только на рубеже XII и XIII вв. установилось «двоеверие» — компромиссное сочетание язычества с христианством.

Мировоззрение и идеология западного славянства исследова-

лись в докладе В. Гензеля (Польша) «Духовная культура городского населения в раннесредневековой Польше».

Несколько докладов было посвящено вопросам архитектуры, домостроительства, искусства, живописи, письменности и геральдики. Архитектура Древней Руси и ее вклад в развитие европейской культуры были объектами анализа в интересном докладе Ю. С. Асеева (СССР).

Славянский мир жил и развивался в условиях постоянных культурных, торговых и политических контактов с другими народами и племенами Европы и Азии. Среди многих выступлений, посвященных этой тематике, наибольший интерес представляют доклады шведских археологов И. Янссона и В. Душко о находках древнерусского ремесленного производства в памятниках X—XII вв. в Скандинавии. О широких контактах славян в регионе Балтики речь шла в докладе Д. Варнке (ГДР). Торговые связи Руси с Подунавьем и западнославянскими землями нашли отражение в докладах советских исследователей и румынского археолога М. Комши. Славяно-венгерские контакты анализировались А. Рутка и (Чехословакия).

Ситуацию зарождения раннесредневековых городов невозможно познать без изучения сельской округи. В. Д. Баран (СССР) подвел итоги изучения славянских памятников VI—VII вв. на территории Украины, в результате чего получены данные для выяснения общественных отношений накануне зарождения городской жизни. Ж. Выжарова (Болгария) рассказала об археологическом изучении сельских поселений Нижнего Подунавья. Б. Бабич (Югославия) исследовал систему и структуру расселения славян Македонии. В других выступлениях рассматривались отдельные сельские регионы Древней Руси, Польши и Чехословакии.

Большая группа докладов была посвящена вопросам происхождения славян, их этногенеза, взаимоотношений с другими этносами. Плодотворным оказалось участие в обсуждении этой проблематики специалистов различных наук. С докладами выступали археологи, лингвисты, антропологи, топонимисты, палеоботаники.

Работа Конгресса проходила в деловой доброжелательной обстановке. При обсуждении докладов выступило свыше 100 ученых. Конгресс подвел итоги изучения ранней и средневековой истории и культуры славянского мира. Он станет мощным импульсом в дальнейших изысканиях во всех вопросах славянской археологии. Конгресс способствовал расширению и укреплению международных научных связей. Следующий Конгресс решено провести в Югославии в 1990 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПСКОВА

Ю. Г. Алексеев

МОСКВА И ПСКОВ НАКАНУНЕ ВКЛЮЧЕНИЯ ПСКОВА В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (60—70-Е ГОДЫ XV В.)

В дореволюционной и советской историографии, посвященной истории Пскова, в центре внимания обычно стоят вопросы, связанные с самыми последними десятилетиями существования феодальной республики, особенно с событиями 1510 г. Истории предыдущих десятилетий уделяется, как правило, сравнительно меньшее внимание. Тем не менее, история московско-псковских отношений в 60—70-х гг. представляет значительный интерес. Именно в этот период в истории Господина Пскова начался коренной перелом, приведший в итоге к относительно мирному, безболезненному включению его в состав единого Русского государства.

Важнейшей переломной датой московско-псковских отношений следует считать 1460 г. — отъезд из Пскова князя Александра Чарторыйского, приезд князя Юрия Васильевича как личного представителя Василия Темного и принятие Псковом наместника князя И. В. Стриги — Оболенского. С этого времени окончательно и бесповоротно Господин Псков включается в сферу политического господства великого княжества Московского и порывает с традициями союза с Новгородом (последнее проявление этого союза — события января — февраля 1456 г.).

Другой принципиально важной датой в развитии московско-псковских отношений можно считать год 1467. Прибытие во Псков нового (четвертого по счету) князя-наместника из Москвы, Ф. Ю. Шуйского, сопровождалось, как представляется, заключением соглашения между московским правительством и псковскими властями. Суть этого соглашения — значительное расширение административных прерогатив наместника.

Третьим важнейшим моментом является 1474 г. Именно в этом году наместник князя Я. В. Оболенский (следуя, очевидно, прямым указаниям Москвы) предпринимает реформу судебного устройства Господина Пскова, сводящуюся к существенному расширению судебной власти наместника и его представителей на Псковской земле. Последующие три года наполнены ожесточенной борьбой между наместником и руководством Псковской респуб-

лики, борьбой, в которой наместник потерпел, по-видимому, поражение.

Неудача реформы Оболенского и его отозвание из Пскова в феврале 1477 г. не означали отказа московского правительства от принятой им стратегии мирного подчинения Пскова путем постепенной отмены его «пошлины». После тревожных событий 1480 г., в которых Господин Псков в критическую минуту (нападение фон дер Барха, политические претензии мятежных князей Андрея и Бориса) проявил полную лояльность по отношению к Москве, мирное наступление Москвы на псковскую «старину» возобновляется, что приводит в 1483 г. к новому политическому кризису — «брани о смердах».

Подводя итоги развитию московско-псковских отношений в 60-х — начале 80-х гг., необходимо прийти к выводу, что именно этот период является важнейшим этапом включения Пскова в состав Русского централизованного государства. Задолго до формальной отмены своей «пошлины», Господин Псков стал фактически неотъемлемой частью Русского государства, сохраняя только тень своей прежней автономии. Относительно мирное включение Господина Пскова в состав Русского централизованного государства — следствие и показатель глубинных центростремительных процессов, характерных для второй половины XV в. и приведших к объединению Русской земли в составе единого политического организма.

Т. Л. Боровик

ПСКОВСКИЕ КНЯЗЬЯ XV — НАЧ. XVI В. (ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ГЕНЕАЛОГИИ)

Изучение проблем княжеской власти представляется затруднительным без составления списка князей, находившихся в Пскове на княжении в XV в. Публикуемый ниже список составлен на основе летописных известий Псковских летописей, с привлечением Новгородской летописи Старшего и Младшего изводов и Московских летописей. Он отличается от ранее составлявшихся списков обоснованием дат княжения и уточнением имен отдельных князей. Пробелы в списке, продолжительность которых не выше 0,5—1 года, объясняются процедурой приглашения князей, требовавшей значительного времени для установления связей Пскова с великим князем, с приглашаемым князем и с подыскиванием кандидатуры на псковский стол. Самый большой пробел в списке обнаруживается в пределах 1425—1429 гг. Восполнить его на основе имеющихся источников не удалось.

Систематизация летописных известий в виде списка позволяет сделать ряд наблюдений. Княжение на псковском столе не регламентировалось точно установленными сроками. По продолжительности оно могло быть от 5—7 лет до 3 недель и даже 2 дней.

Различная продолжительность княжений определялась в каждом отдельном случае конкретными обстоятельствами. Удалось проследить родословную 22 князей, находившихся на псковском столе. Общая картина родословия князей следующая. Ростовские князья — 6 представителей; суздальско-нижегородские — 6; князья, потомки Михаила Черниговского, род Оболенских — 3, род Мезецких (Ярославских) — 1, род Звенигородских — 1, князья, родословие которых восходит к роду Гедимины — 3, Ярославские — 1.

На протяжении более чем полувека в Пскове находились ростовские, суздальско-нижегородские князья. Вступление их на псковскую службу в некоторой мере представляется закономерным. Традиция приглашения князей Северо-Восточной Руси не восходит к XIV в. Очевидно, только в процессе государственной централизации, когда Ростовское и Суздальско-нижегородское княжество теряют политическую самостоятельность, князья переходят на службу к великому князю и некоторые из них оказываются в Пскове. В XIV в. существовала традиция приглашения князей из Литвы. В XV в. приглашение литовских князей прослеживается только во второй четверти столетия, т. е. — в период феодальной войны.

СПИСОК ПСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ XV — НАЧАЛА XVI ВВ.

№	Князья	Годы упоминаний
1	2	3
1	Даниил Александрович	1401—1407, 1408—1409 4 апреля
2	Константин Дмитриевич	1407—1408, 1412—1413, 1414
3	Александр Федорович Ростовский	26 апреля 1410 — 15 мая 1411, 1 апреля 1422 — 1423, 20 февраля 1429 — 28 февраля 1434
4	Андрей Александрович Ростовский	19 марта 1416 — 17 июня 1416
5	Федор Александрович	25 декабря 1417 — 1421
6	Федор Патрикеевич	11 июля 1424 — 22 августа 1425
7	Владимир Данилович	28 февраля 1434 — ноябрь 1436 12 апреля 1436 — 1439
8	Борис Васильевич	17 ноября 1436
9	Александр Иванович	1439—1442
10	Александр Васильевич Черторижский	25 августа 1443 — 1447 18 июля 1456 — 10 февраля 1461
11	Василий Васильевич Суздальский	14 января 1448 — 15 июля 1455
12	Юрий Васильевич	24 февраля 1461 — 18 марта 1461
13	Иван Васильевич Стрига	23 марта 1461 — 1461
14	Владимир Андреевич	1461 — сентябрь 1462
15	Иван Александрович Звенигородский	10 апреля 1463 — 1466
16	Федор Юрьевич Шуйский	29 апреля 1467 — 1472
17	Ярослав Васильевич Стрига Оболенский	29 февраля 1473 — 23 февраля 1477
18	Василий Васильевич Бледный	23 ноября 1478 — 1481
19	Семен Романович	13 февраля 1488 — 1491

№	Князя	Годы упоминаний
1	2	3
20	Василий Федорович	17 февраля 1491 — 1496
21	Александр Владимирович Ростовский	24 марта 1496 — 24 марта 1501
22	Иван Иванович Горбатый	24 апреля 1501 — 1503
23	Дмитрий Владимирович Ростовский	6 мая 1503 — 1507
24	Петр Васильевич Великий Шуйский (Шестунов)	1507—1509
25	Иван Михайлович Репня-Оболенский	1509—1510

А. С. Хорошев

ПСКОВСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПАНТЕОН

История русской средневековой канонизации демонстрирует четкое и бесспорное политическое звучание каждого акта причисления подвижников русской церкви к лику святых. Наиболее явно политический аспект проявляется при изучении локальных местных пантеонов. Оформление средневековых христианских пантеонов происходило главным образом под эгидой епархиальных кафедр (Чернигов, Владимир, Суздаль, Ростов, Тверь, Новгород и др.). Псков является одним из немногих исключений: создание местного пантеона шло здесь вне зависимости от новгородской кафедры, в епархиальном подчинении которой находился город.

Попытка организации местного пантеона обнаруживается у псковского духовенства еще в условиях политической зависимости от Новгорода (знамение 1243 г. над гробом жены Ярослава Владимировича, Евфросиньи — Евпраксии). Однако окончательное оформление пантеона мы связываем с периодом политического обособления Пскова (после 1348 г.).

Обращение к персоналиям псковского пантеона демонстрирует несомненно противодействие Пскова Софийской кафедре. Именно желанием подчеркнуть независимость от Новгорода объясняется возведение в ранг местного святого — покровителя Всеволода-Гавриила Мстиславича. Судьба его была тесно связана с новгородскими событиями 30-х гг. XII в., которые в конечном итоге привели к изгнанию князя восставшими новгородцами. Политическая карьера Всеволода Мстиславича протекала в условиях острой политической борьбы Новгорода за самостоятельное развитие и определялась столкновением внутренних новгородских сил и компромиссом между ними в антикняжеской борьбе. Изгнанный вечевым решением из Новгорода Всеволод Мстиславич не оставил попыток продолжить борьбу и превратил Псков в свой опор-

ный пункт. Конфликт угас в связи с внезапной смертью князя в 1137 г.

Интерес псковского боярства к Всеволоду определялся тем, что появление своего, псковского, князя было шагом к высвобождению от «игемонии» Новгорода. Духовенство Пскова выступило на стороне боярства и поддерживало Всеволода, стремясь добиться независимости псковской церковной организации. Имя и память Всеволода окружили почетом, его объявили святым, меч и гробница князя стали священными реликвиями города. В подкрепление правомерности канонизации Всеволода Мстиславича его имя связали со строительством Троицкого собора — церковно-государственного символа Пскова, отнеся сооружение церкви к 1137 г., то есть — ко времени пребывания князя в Пскове. Псковское духовенство укрепило церковное предание переносом княжеской гробницы в Троицкий собор. Акт имел место в 1192 г. и не был лишен политического смысла. Согласно летописным известиям в этом году наблюдается обострение новгородско-псковских отношений: «Иде князь Ярослав к Плескову на Петров день, и новгородци вмале; и сам седе в Плескове».

Апеллирование к церковным святыням в новгородско-псковских отношениях имело место и в дальнейшем. Наибольших успехов и фактической независимости во внешнеполитической деятельности Псков добился в годы княжения Довмонта-Тимофея (1266—1299 гг.). Князь смело вторгнулся в те области, которые издавна и традиционно находились в орбите политических интересов Новгорода. Так под 1283 г. новгородский летописец отметил, что князь «Довмонт изгони Ладогу ис Копорья». Одновременно последовало новое обращение псковского духовенства к памяти Всеволода Мстиславича. В 1284 г. было организовано первое чудо на гробнице князя. Таким образом постепенно, но очень последовательно псковские церковники укрепляли идею патроната Всеволода-Гавриила над городом, связывая ее с идеологическим обоснованием независимости Пскова от «старшего брата» — Новгорода.

Этой же идее было подчинено включение в состав псковского пантеона Довмонта-Тимофея, канонизация которого состоялась едва ли не сразу же после юридического обособления Пскова. По крайней мере, в 1374 г. в Пскове была поставлена церковь «во имя святого Тимофея, Доманта князя». И если культ Всеволода-Гавриила поддерживал идеологическое обоснование псковской независимости, то культ Довмонта-Тимофея олицетворял военное подкрепление той же идейной концепции.

Дополнительной демонстрацией независимости псковского духовенства в ряде литургических действий от софийской кафедры является выразительный отказ псковичей от проклятия имени новгородского владыки Иоанна Попьяна, зафиксированный в псковских синодиках XVI—XVII вв., которые были обнаружены С. В. Белецким,

Иван Попьян — одна из самых загадочных личностей XII в. Годы его святительства были вытравлены на страницах новгородских летописных сводов. Гробницу «отверженного» епископа «попрал» саркофаг владыки Аркадия, сооруженный архиепископом Ильей-Иоанном. Имя Иоанна Попьяна в летописных списках новгородских святителей сопровождается епитимьей — «сего не поминуют», которая отсутствует в псковских синодиках.

Не исключаем, что особо неприязненное отношение к этому владыке могло определяться взаимоотношениями Иоанна с Всеволодом, начало княжения которого совпало с последними годами святительства новгородского владыки.

А. Н. Кирпичников

ОСАДА ПСКОВА ШВЕДСКИМИ ВОЙСКАМИ В 1615 г. (ПО НОВООБНАРУЖЕННЫМ ИЛИ МАЛОИЗВЕСТНЫМ ГРАФИЧЕСКИМ ДОКУМЕНТАМ)

Планы Пскова, связанные с его осадой в 1615 г., еще не привлекали к себе внимание исследователей. Таких планов известно пять. Два опубликованы еще в 1794 г. Оригиналы трех других находятся в Шведском Королевском военном архиве и ныне в фотокопиях предоставлены архивом для изучения и издания. Все упомянутые начертания города, несмотря на определенный схематизм, документальны. Они изготовлены или во время осады Пскова или после ее окончания в октябре 1615 г. На планах достоверно показано расположение шести осадных лагерей вокруг стен города, отмечены валы, входы, небольшие бастионы, внутренние постройки — квартиры для пехоты и конницы. С особой детальностью обозначены королевский стан, шанцы и батареи главного фронта атаки у стен Запсковья в районе Варламовских Наугольной и Воротной башен.

Рассматриваемые планы и их экспликации с редкими, неизвестными по другим источникам, подробностями показывают, в какой последовательности и как происходило окружение Пскова полевыми укреплениями, седлавшими основные подъездные пути к городу. Чертежи осажденного Пскова поясняют тактику ведения войны того времени, намерения наступавших, ход осады, приемы борьбы, обстоятельства двух штурмов стен Запсковья, наконец, оборонительное противодействие псковичей. Шведские полевые укрепления, включая тыловую базу — Снетогорский монастырь — вмещали до 9000 войска. Военский контингент Пскова, по достоверному сообщению автора одного из планов — И. Рудбека, составляло лишь 800 человек, а все население города достигало тогда 15000 человек.

Крупнейшая в истории Пскова осада 1615 г. напоминает предшествующую 1581—1582 гг. То же окружение города многонациональным войском с использованием в качестве батарей, постов

наблюдения и лагерей некоторых захваченных окрестных монастырей, та же попытка полностью отрезать осажденных от внешнего мира, тот же выбор штурмовой полосы в районе углового края города, уязвимого для обстрела и с фронта и с фланга (через Великую) с 2 башнями, те же последовательные штурмы в местах брешей и поврежденных башен, та же всенародная защита крепостных стен и авральная постройка за ними дерево-земляных сооружений.

Имелись в этих двух военных событиях и отличия. В 1615 г. масштаб осадных операций был меньше, чем в 1581—1582 гг. В период второй осады города силы воюющих сторон оказались более малочисленными, у нападающих насчитывалось меньше артиллерийских орудий. Шведская осада длилась не 5 с лишним, а 2,5 месяца. Окружение города в 1615 г. опиралось на шесть лагерей, в то время, как в 1581—1582 гг. действовал один крупный базовый. Шведы подвели свои пушки к стенам и поставили их на постоянные позиции, артиллеристы Речи Посполитой чаще маневрировали своими орудиями. Все эти отличия объяснимы отчасти эволюцией военного дела в конце XVI — начале XVII вв. и рядом конкретных военных обстоятельств. Стратегические замыслы и намерения псковских неприятелей, однако, не менялись. Противники были уверены в своей победе и недооценили народную оборону Пскова, стойкость и мужество его горожан и воинов, которые не только отстояли родной город, но и в конечном итоге заставили неприятелей отступить.

В. И. Кильдюшевский

КЕРАМИКА ПСКОВА XIII—XVII вв. (ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ)

В основу предлагаемой классификации средневековой псковской керамики положены две коллекции: из раскопа II на ул. Ленина 1976 г. (Средний город) и раскопа 1981 г. на ул. Первомайской (Запсковье), насчитывающие около 90 тыс. фрагментов (в том числе 6 тыс. венчиков). Привлекались также и материалы других раскопов из археологических исследований Пскова последних лет.

Хронологическое распределение керамики из раскопа на ул. Ленина опирается на четкую дендрохронологическую датировку с середины XII по конец XIV в., а верхние пласты датированы по вещевому материалу XV — началом XVI в. Материалы раскопа на ул. Первомайской по стратиграфии и находкам датируются XVI—XVII вв.

Исследования показали, что верхняя часть сосуда наиболее изменчива во времени. Поэтому за основу систематизации был взят профиль венчиков сосудов, хотя привлекались и другие признаки: форма сосуда, состав глиняного теста, примеси, орнаментация и способы отделки изделий.

Основной формой глиняной посуды Пскова являются горшки — более 95%. Кувшины, миски, крышки, корчаги, ручомойники, фляги, штофы, кубышки и другие виды посуды составляют незначительный процент и свойственны в основном для горизонтов XV—XVII вв.

Статистические подсчеты проводились по пластам по единой форме с учетом не только типов и их вариантов, диаметра сосуда, орнаментации (типологических признаков), но и с учетом глиняного теста, примесей, обжига, способа обработки поверхности. Такой подход дал возможность использовать максимум информации, получаемой при визуальном исследовании.

На основе оформления верхней части сосуда выделено следующее количество типов: горшки — 11, миски — 4, кувшины — 7, крышки сосудов — 4, корчаги — 2, ручомойники — 2; имеются также такие формы бытовой посуды как фляги, штофы, кубышки. В свою очередь типы подразделены на варианты.

Статистические подсчеты по пластам дали возможность определить для каждого хронологического периода характерные типы и варианты. Внутри типов удалось проследить динамику развития: постепенное угасание одних вариантов, появление новых, период их совместного бытования или быструю смену одних вариантов другими.

Условно выделяется 3 этапа развития керамического производства в средневековом Пскове.

I этап (середина XII — начало XIV вв.). К концу этого периода исчезают наиболее архаичные типы горшков и мисок, характерные для XI—XII вв. Изменяется и характер орнаментации. Если в XII — начале XIII в. многорядный линейный (иногда в сочетании с волной) орнамент покрывал от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ сосуда, то к концу XIII — началу XIV в., основным типом становится комбинация линейного орнамента из двух — четырех линий, часто в сочетании с другими элементами — волной и насечками. До первой четверти XIII в. орнаментировано 93—96% всех сосудов с использованием различных комбинациях трех элементов (линии, волны, прямоугольные штампы). В конце XIII — начале XIV в. процент орнаментированных сосудов составлял около 86,7%, зато увеличивается количество комбинаций (до 23—24) и число элементов, их составляющих. Появляются ногтевидные насечки, треугольный штамп, ямки, косые насечки. Таким образом конец этого этапа характеризует начало становления самостоятельного псковского керамического производства, формирование своей традиции, вкусов потребителей.

II этап (первая половина XIV — конец XV в.). На этом этапе бытуют 6 типов горшков и 3 типа мисок. Хотя продолжают доминировать типы 4 и 6, появившиеся в конце этапа I, происходит постепенное увеличение числа горшков новых типов. Упрощается орнаментация, количество элементов сокращается до трех (линия, волна, ногтевидные насечки), уменьшается (до 17) количест-

во используемых комбинаций. Число орнаментированных сосудов к концу XV в. сокращается до 30—40%. Изменяется форма горшков. Они становятся более приземистыми, с невысокой шейкой и коротким венчиком. Заметна большая стандартизация размеров, улучшение технологии производства, качества теста. Налицо сформировавшееся ремесленное производство керамики на рынок. Основную роль в этом сыграл политический и экономический расцвет Псковской земли.

III этап (конец XV—XVII в.). На этом этапе мы можем проследить значительные изменения в керамическом производстве. С одной стороны — продолжают развиваться тенденции, намеченные на этапе II: дальнейшая стандартизация форм и размеров, усиление роли товарности и технологичности производства, что привело к почти полному исчезновению орнамента (2,5—5%). Количество комбинаций сократилось от 8 (в 4—5 пл.) до 4 (во 2—3 пл.). Используются всего два элемента: линия и волна, изредка — ногтевидные насечки. Значительно улучшился обжиг, состав глиняного теста, появляется поливная и лощеная посуда. Значительно увеличился ее ассортимент. Псковские гончары начинают изготавливать новые типы горшков, крышки, новые типы разнообразных по форме и назначению мисок, фляги, ручомойники, штофы, кубышки и другие формы столовой посуды, подражающие формам стеклянных и металлических сосудов. С другой стороны — вхождение Пскова в состав единого централизованного государства, сложение и расцвет единой культуры, привели в XVII в. к исчезновению местных традиций в изготовлении посуды и появлению новых форм, характерных для единого Русского централизованного государства.

И. И. Лагунин

СТРОИТЕЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА МИРОЖСКОГО МОНАСТЫРЯ В ПСКОВЕ (XII—XX вв.)

Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря — центральный памятник зодчества Пскова домонгольского периода, — привлекает к себе внимание исследователей древнерусского зодчества вот уже более ста лет. Впервые вопрос об его архитектурном исследовании был поднят в 1886 г. известным фотографом-археологом Барщевским и академиком архитектуры В. В. Суслевым. В те же годы Суслеву было поручено разработать проект реставрации и провести исследования храма. Исследование не было закончено, но полученные результаты до сих пор не утратили своего значения.

Академик архитектуры В. В. Суслов подтвердил отдельные наблюдения псковских краеведов и установил следующее. Собор имел первоначально крестово-купольную форму и иные пропорции. Западные камеры второго яруса, притвор и звонница являются позд-

нейшими пристройками. Был определен характер посводных покрытий «с отливом» рукавов планового креста. Важны наблюдения о первоначальном декоративном убранстве собора (наружная обмазка и фресковые росписи, иной декор завершающей части барабана, покрытие пониженных западных камер на два ската с диагональной ендовой). И хотя эти приемы, на наш взгляд, нельзя относить к одному (первоначальному) строительному периоду, почти все выводы В. В. Сулова подтверждаются последующими исследованиями.

Обмеры памятника были продолжены в 1930-е годы К. К. Романовым и завершены в послевоенные годы студентами-архитекторами под руководством Г. В. Алферовой. В целом они подтвердили выводы Сулова и позволили сделать интересные наблюдения о декоративных особенностях храма, а также о ранних перестройках кровель западных пониженных камер. Были подтверждены наблюдения о покрытии на два ската, обнаружен фрагмент ендовы. И хотя при этих исследованиях было выявлено более раннее позакомарное покрытие, первоначальная концепция осталась без изменений.

Работы Мировской археологической экспедиции (с 1974 г.), а также натурное исследование мировских фресок при проведении реставрационных работ (1969—1983 гг.) позволили сделать дополнительные наблюдения по архитектуре памятника, которые дают основания для сохранения новой схемы строительной периодизации собора.

I период («византийский») характеризуется возведением крестово-купольного храма с позакомарным покрытием (в том числе — пониженных западных камер). Без живописного убранства. Декор — открытая кладка из плинфы с плитняком («с утопленным рядом»), который прикрыт цемяночной обмазкой. Собор выглядит краснокирпичным.

II период («местный»). Перестраиваются покрытия западных камер на двускатные. Кровли камер (а, возможно, и всего собора) деревянные. Искажающие первоначальный замысел накладки, вероятно, предполагают полную обмазку фасадов розоватым цемяночным раствором.

III период. В это время надстраиваются западные угловые камеры второго яруса. Собор расписывается.

Все три периода, по существу, являются одним и не очень длительным этапом создания храма и относятся к первой половине — середине XII в. Изменения связаны с учетом местных условий, изменением заказа, поиском новых решений на псковской почве. Все они выполнены в едином материале, на идентичном растворе.

IV период (XV в.). Строится новая колокольня на берегу Великой, у юго-восточного угла храма. Южный вход в собор (выход к колокольне) и проемы, соединяющие нижние западные камеры с основным объемом, растесываются. Прорубается свод северо-

западной камеры и устраивается подъем в верхнюю камеру.

V период (XVI в.) характеризуется постройкой притвора с фреской «Деисус» над входом и высокого иконостаса внутри собора. В это время форма кровель заменена на восьмискатную, а форма главы — на луковичную (покрытие желтым керамическим лемехом). Тогда же были растесаны, заложены и расписаны отдельные окна.

VI период (середина XVII в.). Восстановление собора и строительство звонницы над притвором. Возможно, тогда же глава покрывается зеленым лемехом. Растесывается центральное окно в алтаре (вместо трех заложённых). Устраивается новый (северный) вход.

VII период (начало XVIII в.). Восстановление и перекрытие собора деревянными кровлями на четыре ската, а притвора — на один скат.

Последующие работы (с 1858 г.) носят уже реставрационный характер.

Практически все названные приемы (по периодам) находят широкое отражение в псковском культовом зодчестве, для которого Спасо-Преображенский собор служит своеобразным эталоном. Существенно установление первичности целого ряда таких приемов именно в Мировском соборе. Это раскрывает новые грани в жизни уникального памятника и делает его еще более значимым для процесса развития псковского культового зодчества.

Вл. В. Седов

ЦЕРКОВЬ НИКИТЫ ГУСЯТНИКА В ПСКОВЕ

Церковь Никиты Гусятника, разрушенная во время Великой Отечественной войны, представляет интерес как один из наиболее ранних образцов псковской бесстолпной архитектуры. Сохранившиеся в Музее архитектуры (Москва) чертежи и фотографии храма позволяют раскрыть архитектурно-художественные достоинства памятника и поставить его в ряд с церквями того же типа.

Церковь Никиты Гусятника построена в 1470 г. в небольшом пригородном мужском монастыре. Постройка производилась, вероятно, на средства монастыря: синодик Никитской церкви называет среди основателей храма только игуменов и монахов. Строительство обошлось монастырю в 20 руб. серебром.

Небольшой храм, сложенный из плиты, имел размеры 7,5 × 6,7 м. С востока к нему примыкала полукруглая апсида, с запада — вытянутый притвор со звонницей на торцовом фасаде. Храм имел перекрытие из двух коробовых сводов с промежутком, перекрытым ступенчатыми сводами, сводящими проем для постановки барабана. Такое перекрытие неоднократно встречается в псковских храмах (ц. Покрова и Рождества от Пролома, XIV—XVI вв.; Преображенский придел Никольского собора в Острове,

1543 г.; ц. Николы в Псково-Печерском монастыре, 1565 г.). Однако в ц. Никиты Гусятника имеются внутренние лопатки, не встречающиеся в сохранившихся бесстолпных храмах Пскова. Их наличие позволило Н. И. Брунову предположить позднее происхождение перекрытия памятника. По мнению исследователя, барабан храма первоначально опирался непосредственно на лопатки и стены.

Прямоугольная форма пространства, очерченная стенами и лопатками, говорит о существующем перекрытии как о подлинном. Некоторое несоответствие лопаток ступенчатым сводам можно объяснить позднейшей подтеской.

Ближайшей аналогией ц. Никиты Гусятника является ц. Федора Стратилата 1385 г., открытая раскопками В. Д. Белецкого. Этот храм также имеет внутренние лопатки, а по изображениям на иконах имел и световой барабан. Таким образом появление данного типа храма в псковской архитектуре следует относить к последней четверти XIV в. К концу XIV в. (1396 г.) относится и первоначальное известие о церкви Покрова от Пролома.

Подобные перекрытия храмов встречаются в болгарской и сербской архитектуре X—XIII вв. По системе арок они близки к храмам со встроенными столбами, которые существовали в архитектуре южных славян, а с последней четверти XIV в. (в связи с усиливающимся культурно-художественным влиянием Сербии и, особенно, Болгарии) появились в небольших монастырях и даже придворных комплексах Московского княжества (Коломна, Каменское, Благовещенский собор в Московском кремле). В Тверском княжестве в 1405 г. появляется ц. Николы в Старице, также, возможно, имевшая ступенчатые своды.

Храмы с внутренними лопатками в Сербии и Болгарии во второй половине XIV в. перекрываются системой ступенчатых сводов, подобных сводам Никитской, а возможно, и Федоровской церквей. Вероятно, возникновение псковских бесстолпных храмов связано с усилением контактов с южнославянскими землями.

Дальнейшее развитие бесстолпных перекрытий в псковской архитектуре показывает, что в XIV—XV вв. псковские зодчие были, несомненно, знакомы с архитектурой Молдавии. Принятие определенного типа перекрытия как в Пскове, так и в Москве сочеталось с созданием самостоятельной схемы фасадной декорации и компоновки объемов. Ц. Никиты Гусятника показывает, что в создании архитектурного образа малых монастырских церквей псковские зодчие подражали крестовокупольным храмам (апсида с валиковыми разводами, членение фасадов лопатками, декорация барабана). Лишь в полукруглых очертаниях арок боковых прясел читает южно-славянский прообраз (церкви в Бояне, Никополе и др.).

В дальнейшем псковские бесстолпные храмы полностью повторяют декорацию фасадов крестовокупольных храмов. Однако храмы с перекрытием типа ц. Никиты Гусятника сохраняют схему

фасадов, близкую к прообразу (с полуциркульным завершением прясел) или сводят архитектурные декорации до минимума. Внутренние лопатки больше не встречаются. Наибольшее распространение в архитектуре Пскова получили храмы со ступенчатыми сводами, наиболее ранним образцом которых является церковь в селе Пустое Воскресенье (1496 г.). Возникновение и сложение бесстолпных храмов Пскова проходило первоначально в монастырской среде и лишь позднее выразилось в создании многочисленных приделов.

Г. Я. Мокеев

ВОРОТА В СТОЛЬНЫЙ ГРАД ПСКОВ

В древности встречи-проводы гостей носили обрядовый, нередко очень торжественный характер. Представление об этом дают письменные источники (в том числе — псковские летописи). Торжества могли быть большими или меньшими (от «международного» до местного масштаба). И во многих местах такая обрядность учитывалась в градостроительстве, особенно столичном.

В ЦГАДА хранится Выписка 1700 г. о крепостях (ф. 141, № 222), в которой со ссылкой на писцовые книги 1624—1627 гг. перечисляются ворота Пскова: в Среднем городе — 18, в Окольном — 25 (большая часть ворот была «закладена»). Документ позволяет насчитывать 25 ворот для Пскова 1380—1465 гг. (Кром, Довмонтов город, стена Застенья), столько же ворот оказывается и на Полонище в конце XV века (25 — символическое число Престола Дома святой Троицы).

В этом же документе после упоминания в Среднем городе Власьевских и Княжьих ворот указаны на реку Великую ворота «Городецкие, да Малые Городецкие». Словом «Городец» обозначалось, очевидно, древнейшее укрепление посада, как бы в противоположность «городу» — Детинцу, Крому (а не отдельное укрепленное поселение с Архангельской церковью). Деревянный Городец возник, вероятно, в 1137 г., а возможно, и раньше. С 1309 г. вместо «Городца» псковичи под руководством посадника Бориса строят каменную стену. Воротами Застенья 1309 г. были, очевидно, «Спасские» на Великой улице и «Петропавловские» на берегу Псковы. Как было принято, около каждого ворот стояло по храму. В 1375—1380 гг. была выстроена вторая стена посада, которая затем (до 1404 г.) была усилена прикладом. На приступе было поставлено 10 костров-башен.

Затем псковичи создали два парадных входа в свой стольный город. Главным из них был комплекс построек «Великих» ворот. По руслу речки Усохи, отведенной в ров стены Застенья, в XIV—XV вв. было поставлено четыре храма: крупная посадская церковь Николая Чудотворца «на Всосе» (1371 г.), а с противоположной стороны улицы — монастырский собор св. Духа на Усохе

(уп. в 1383 г.). Храмы образовали как бы «пропилеи» после входа в Великие ворота. В 1413 г. за св. Духом строится крупный посадский храм Василия Великого на Горке, на Усохе, а позади Николы в 1421 г. — монастырский собор св. Варвары на Усохе. Развернутый в слегка изогнутую линию поперек Великой улицы архитектурный комплекс храмов на Усохе у Великих ворот был построен, бесспорно, для торжественных встреч. Возле других ворот Среднего города: Трупеховских, Лужских, Петровских, Куминых — храмы не возводились.

Четыре храма было выстроено на берегу Псковы. Они стояли не в линию, а двумя парами по сторонам Кстовской улицы: в 1373 г. — каменный храм св. Петра и Павла на Бую и в 1434 г. — церковь св. Бориса и Глеба на Бую с другой стороны улицы; в 1397 г. — храм Богоявления со Кстовы и в 1435 г. (?) — ц. Рождества Богородицы со Кстовы. Двойные «храмовые пропилеи» архитектурного комплекса Кстовских ворот были рассчитаны, по-видимому, на другое торжественное действие — не внешнее, а внутреннее по отношению к городу. На реке Пскове в праздник Богоявления, очевидно, устраивалась Иордань. Из Троицкого собора сюда приходил крестный ход, выходивший на реку Бродскими и Кстовскими воротами. Вероятно, неслучайно вокруг этого места три части города выставили по берегам три одноименных храма: от Застенья — Богоявления со Кстовы, от Полонища — Богоявления с Бродов, а на противоположном берегу — Богоявления от Запсковья.

К. М. Плоткин

ПЕЧАТЬ ПРОТОПРОЕДРА ЕВСТАФИЯ ИЗ ПСКОВА (К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЗАПСКОВЬЯ)

В 1977 г. в раскопе на ул. Школьной в Запсковье (Воскресенский-1 раскоп) найдена актовая печать. Она оттиснута на массивном свинцовом кружке неправильных очертаний. Диаметр по каналу 15 мм, перпендикулярно каналу 21 мм, максимальный — 22 мм. Вес 8,54 г. Канал хорошей сохранности. Края кружка в нижней части попорчены дополнительным сжатием. По всей поверхности заметны следы потертости и мелкие неглубокие царапины. Л. с.: пятистрочная греческая надпись: $\rho\omega\tau[\omega]/[\pi]\rho\acute{o}\epsilon\delta\rho\sigma[\nu]/[E]\nu:$

$\sigma\tau\alpha\theta[\iota]/[o]\nu \mu\epsilon \sigma\kappa[\epsilon]/[\lambda\epsilon]$. Крайние буквы в строках, кроме первой «л», не оттиснуты или оттиснуты частично. Нижняя строка из двух букв «л» также не оттиснута. Ободок не прослеживается. О. с.: изображение св. Феодора в рост с копьем в правой руке и щитом в левой. Слева от него фрагмент колончатой надписи: $[o]\delta\omega\rho\sigma$. Колончатая надпись справа от фигуры святого не оттиснулась. Над левым плечом сохранился фрагмент ободка. Булла принадлежит к первой паре матриц печати протопроедра Евстафия (в Своде печатей В. Л. Янина № 72).

Печать была найдена непосредственно над пятном гумуса в материке, образованном заполнением прорезающих друг друга, но близких по времени трех столбовых ям. Вместе с нею найдены: ледоходный шип и 554 фрагмента керамики (в том числе 68 фрагментов с линейным орнаментом и 1 фрагмент с линейно-волнистым орнаментом). В нижней части заполнения ям найдены только фрагменты керамики, в том числе — с линейным и линейно-волнистым орнаментом.

В. Л. Янин датировал печати Евстафия временем первого новгородского княжения Мстислава Владимировича (1088—1094 гг.), считая наиболее вероятным ее владельцем посадника Завида. По данным Б. Д. Ершевского, известно 24 экземпляра этих булл, происходящих за единичными исключениями из Новгорода. Найденный в Пскове моливдовул подтверждает принадлежность печатей Евстафия видному лицу новгородской администрации.

На сегодняшний день печать протопроедра Евстафия является древнейшей сфрагистической находкой в Пскове. Место находки печати локализуется в центральной части Кузмодемьянского конца средневекового Пскова, вблизи перекрестка улицы Званицы и отходящей от нее к северу несохранившейся улицы, между церковью Воскресения со Стадища (1458 г., 1532 г.) и палатами Постниковых (XVII в.). Помимо печати в раскопе были встречены находки из трех хозяйственных ям и отдельные переотложенные находки, которые могут быть датированы XII—XIII вв. Эти материалы позволяют удревнить заселение Запсковья, упоминаемого в письменных источниках только с XIV в. Прибрежная полоса Запсковья, вероятно, входила в состав древнего ядра псковского посада, охватывавшего полукольцом первоначальный детинец на месте Крома.

С. В. Белецкий

«ЯВЕДОВА ПЕЧАТЬ» (ИЗ ИСТОРИИ ПСКОВА XII в.)

В 1984 г. в раскопе на ул. Ленина найдена домонгольская печать, неизвестного для Пскова типа. *Аверс*: изображение архангела Гавриила в рост с жезлом в правой руке и сферой в левой, в двойном линейном ободке, над крыльями надпись ГАВРИИЛ, вырезанная без учета на оттиск. *Реверс*: трехстрочная надпись в двойном линейном ободке, вырезанная без учета на оттиск. Диаметр: 21—24 мм. Вес: 8,17 г.

В. Л. Янин прочитал легенду печати, принадлежащей к тем же матрицам: «Якава печать». Он датировал новгородский экземпляр печати XII в. и предполагал, что она принадлежала должностному лицу по имени Яков, являющемуся уполномоченным лицом сюзерена по имени Гавриил. Псковский экземпляр печати, сохранивший атрибутивную надпись значительно лучше, позволяет дать

чное прочтение: ЯВ<Е>Д<О>ВА (или ЯВ<И>Д<О>ВА)
П<Е>Ч<А>ТЬ.

Отождествить Яведа — владельца печати с Явидом — участником битвы под Торжком (1246 г.) затруднительно. Судя по контексту летописного известия, Явид возглавлял в этой битве тверской или дмитровский отряд и не имел отношения к Новгороду или Пскову (В. А. Кучкин считает Явида боярином великого князя Ярослава Всеволодича). Кроме того, для середины XIII в. печать слишком архаична.

Более вероятно отождествление владельца с князем Аведом-Дмитрием, упомянутым в Псковских летописях под 7032 г. в сообщении о строительстве ц. Дмитрия Солунского. Оно попало туда, вероятно, из недошедшего до нас синодика Дмитриевской церкви (Л. В. Бетин). Разница в написании имени (Авед и Явед) несущественна, поскольку в Стефановском синодике начала 1510-х годов князь назван Яведом-Дмитрием (имя написано через лигатуру IA).

В Погодинском списке Псковской 1-й летописи летописная статья 7032 г. содержит сведения о времени деятельности Яведа-Дмитрия в Пскове: «Поставлена бысть церковь каменная святыи мученикъ Христовъ Дмитрей, новая, в Домантове стене...», а старая церковь первая бысть во Пскове каменная с кирпичем, А ПОСТАВИЛ ЕЕ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ АВЕД, НАРЕЧЕННЫЙ ВО СВЯТЕМ КРЕЩЕНИИ ДМИТРЕИ, А МОЩИ ЕГО ЛЕЖАТЬ ОУ СВЯТОГО СПАСА НА МИРОЖИ НА ЛЕВОЙ СТРАНЕ, а стояла первая церковь в Домантове стене великомученик христов Дмитрей 400 лет без 20 лет». Те же сведения приведены в Копенгагенском сборнике и в Строевском списке Псковской 3-й летописи. Простой арифметический расчет определяет время возведения ц. Дмитрия Солунского — 1143/1144 г., что относит деятельность Яведа-Дмитрия в Пскове к 40-м годам XII в.

В письменных источниках (Архивский Второй список Псковской 3-й летописи) содержится и другая версия строительства ц. Дмитрия Солунского: В лето 6646 «Тоя же зимы Всеволод представися в Плескове, месяца февраля въ 11 день, в четверток масленя недели, а в неделю положен бысть в церкви святого мученика Дмитрия ЕЖЕ САМЪ СОЗДАЛЬ». Эта версия совпадает со сведениями Степенной книги о перенесении мощей Всеволода-Гавриила Мстиславича 27 ноября 1192 г. из ц. Дмитрия в Троицкий собор. Результаты археологических раскопок в 1965—1966 гг. позволили В. Д. Белецкому подтвердить справедливость сведений этого списка Псковской 3-й летописи и Степенной книги о погребении Всеволода Мстиславича. В. Д. Белецкий предположил, что ц. Дмитрия Солунского была возведена в тот период, когда Всеволод-Гавриил Мстиславич занимал новгородский княжеский стол, то есть — ранее 1136 г.

Связывая «Яведову печать» с деятельностью князя Яведа-

Дмитрия, мы датировем ее временем деятельности князя. Крестильное имя Яведа (Дмитрий) не соответствует изображению архангела. По-видимому, это изображение символизировало сюзерена Яведа — князя, носившего имя Гавриил. Единственным претендентом на место сюзерена для князя Яведа является князь Всеволод-Гавриил Мстиславич. Предполагаю, что Явед-Дмитрий был псковским наместником новгородского князя Всеволода и в своей деятельности выступал от его имени.

В этой связи привлекает внимание различие в формулировках указания на строителя церкви Дмитрия: Всеволод-Гавриил был погребен в церкви ЕЖЕ САМЪ СОЗДАЛЬ, князь же Явед-Дмитрий ПОСТАВИЛЪ храм. Если эти различия не случайны, то их можно истолковать следующим образом: храм СОЗДАВАЛСЯ по заказу и на средства Всеволода-Гавриила, но СТАВИЛСЯ храм при непосредственном участии Яведа-Дмитрия.

Если изложенное справедливо, то следует вновь вернуться к вопросу о времени деятельности Яведа в Пскове. Он мог исполнять функции наместника Всеволода-Гавриила только в период ранее 11 февраля 1138 г. Но это вступает в противоречие с расчетной датой строительства ц. Дмитрия Солунского, зафиксированной в летописной статье 7032 г.

Дата «400 лет без 20 лет» («Y лет без K лет») имеется в Копенгагенском сборнике, списках Погодинском и Оболенского. Из схемы А. Н. Насонова следует, что последние восходят к так называемому «Основному протографу 1547 г.». В нем дата уже имела, поскольку в Погодинском запись сделана цифрами, а в Оболенском — словами.

В Копенгагенском сборнике дата приведена в цифровом написании. А. Н. Насонов предположительно возводил его к тому же «Основному протографу». Таким образом, в последнем дата была, вероятнее всего, в цифровом написании. Она появилась в летописи, следовательно, не позднее середины XVI в., но не ранее 7032/1523 г.

В палеографии полуустава XVI в. — основного почерка летописных списков этого времени — написание буквы «К» близко написанию «Н» (И — восьмеричное). Если переписчик «Основного протографа 1547 г.» принял букву Н за букву К, то расчетная дата оказывается не «Y лет без K лет», а «Y лет без N лет», то есть «400 лет без 8 лет». Тогда возведение первоначального храма Дмитрия Солунского определяется не 1143/1144, а 1131/1132 г.

Таким образом, можно полагать, что в начале 30-х годов XII в. управление в Пскове осуществлял князь-наместник новгородского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича Явед-Дмитрий. В это время Псков входил в юрисдикцию Новгорода Великого. Упоминание Яведа в Стефановском синодике ранее Всеволода-Гавриила, возможно, указывает на то, что деятельность Яведа прекратилась

несколько ранее кончины Всеволода Мстиславича, но полной уверенности в этом все-таки нет.

С. В. Белецкий

НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО

Особенности Мусин-Пушкинского списка «Слова о полку Игореве», как памятника древней псковской письменности, давно отмечены исследователями. По наблюдениям Л. А. Творогова, эта рукопись была переписана в 1510—1512 гг. в псковском Елеазаровском монастыре. Оригиналом для писца послужил список второй половины XIII в., переписанный в Спасо-Мирожском монастыре с рукописи киевского происхождения конца 80-х годов XII в. В основе последней лежал текст сборника, принадлежавшего князю Святославу Всеволодичу.

Если реконструкция Л. А. Творогова верна, то в руках псковичей второй половины XIII в. был список «Слова о полку Игореве», сделанный еще при жизни основных героев поэмы. По-видимому, этот список хранился в Спасо-Мирожском монастыре, а в конце XIII в. потребовалось обновление ветхого оригинала, что и привело к созданию протографа Мусин-Пушкинского списка поэмы.

Концентрация в Пскове свидетельств знакомства с текстом «Слова о полку Игореве» не может не навести на мысль о том, что судьба новгород-северского князя привлекала к себе внимание псковичей, и такая традиция сохранялась на протяжении всей средневековой истории города. Подтверждением этому, как представляется, является находка вислой свинцовой печати, переданная в фонды Псковского музея-заповедника псковским коллекционером В. Г. Кольцовым.

Печать (размеры 19—23 мм, вес 7,9 г) принадлежит к группе домонгольских княжеских. *Аверс*: изображение св. Георгия в рост; *реверс*: погрудное изображение св. Николая Мирликийского. Сочетание изображений свидетельствует, что владельца в крещении звали Николаем Георгиевичем или Георгием Николаевичем. Учитывая редкость среди русских князей крестильного имени Николай, круг вероятных владельцев печати очерчивается достаточно отчетливо: она могла принадлежать Святославу-Николаю Ярославичу-Георгиевичу, одному из его сыновей или одному из сыновей Святослава-Николая Ольговича-Михайловича.

Святослав Ярославич (+1076 г.), второй сын Ярослава Мудрого, князь черниговский, а позднее великий князь киевский, мог иметь печать с изображением св. Георгия и Николая Мирликийского. Однако датировать печать с изображениями святых на обеих сторонах XI в. нельзя: в это время русские князья пользова-

лись печатями греко-русского типа и т. н. «печатями архаической традиции». Среди последних имеется пять, атрибуированных Святославу Ярославичу.

Среди сыновей Святослава Ярославича также не удается обнаружить вероятного владельца псковской печати: Роман (+1079 г.) и Давыд (+1123 г.) находились под патронатом соответственно св. Романа и св. Давида; Олег Святославич (+1115 г.) был крещен Михаилом; Ярослав Святославич (+1129 г.) носил крестильное имя Панкратий. Теоретически мог быть крещен Георгием Глеб Святославич, однако деятельность его целиком относится к XI в. (около середины XI в. — 1078 г.).

Таким образом, владельца печати следует искать среди сыновей Святослава Ольговича. Единственный из них, известный по крестильному имени — Игорь-Георгий Святославич-Николаевич.

Биография Игоря Святославича (1151—1202 гг.) — главного героя поэмы «Слово о полку Игореве» — детально изучена несколькими поколениями исследователей. В своей деятельности князь был связан с черниговскими землями: с 1180 г. он занимал новгород-северский и путивльский столы, в 1185 г. пытался «поискати града Тьмуторокани..., испити шелоном Дону», а с 1198 г. стал великим князем черниговским. Однако, о деятельности Игоря Святославича в период между 1164 и 1180 гг. известно крайне мало. После захвата в 1164 г. черниговского княжеского стола Святославом Всеволодичем он остался без надеда и только в 1180 г., после смерти старшего брата Олега Святославича, стал новгород-северским и путивльским князем. Нельзя исключать, что Игорь мог занимать псковский княжеский стол до вокняжения здесь Мстислава Романовича Старого (1178 г.) (в период от 1140 до 1178 гг. сведения о псковских князьях в летописи отсутствуют).

Примечательно место находки печати. Она обнаружена на левом берегу р. Великой близ ц. Климента, то есть — всего в нескольких сотнях метров ниже по течению от Спасо-Мирожского монастыря. Остальные домонгольские печати Пскова найдены в черте города XIII в. Единственным объяснением попаданию печати на левый берег р. Великой, освоенный не ранее XIV—XV вв., следует признать следующее: печать скрепляла документ, хранившийся, как и список «Слова», в Спасо-Мирожском монастыре. Во время половодий, наиболее крупные из которых наносили серьезный ущерб городу, территория монастыря часто подвергалась затоплению. Нельзя исключать, что какая-то часть монастырского архива могла погибнуть при наводнении, во время которого документы, скрепленные печатями, были унесены водой. Среди таких документов, вероятно, и была грамота, скрепленная печатью князя Игоря.

Печать Игоря Святославича новгород-северского из Пскова, таким образом, свидетельствует о том, что интерес псковичей к судьбе князя и к поэме «Слово о полку Игореве» не был случайным. В своей деятельности Игорь был связан с далеким от чер-

ниговских земель Псковом или, по крайней мере, — со Спасо-Мирожским монастырем Пскова.

В. И. Лабутин

СВЕДЕНИЯ О ПОГАНКИНЫХ В ДОКУМЕНТАХ XVIII в.

Сведения о наследстве Поганкиных содержит ряд документов первой половины XVIII в. — завещание Григория Поганкина, доношения о неуплате налога душеприказчиками за наследство, дело о покупке палат в казну и др. Эти сведения позволяют выяснить некоторые моменты истории палат, а также решить вопрос о выписках из мерных книг 1685 г. во второй части «Книги Поганкина».

Выписки из мерных книг 1685 г. о владениях Поганкиных отражают изменения, происходившие в составе владений. Первоначальному состоянию на 1685 г. соответствует приведенный итог в 44 лавки. Указанные в тексте изменения, увеличившие число лавок до 48, предположительно относятся к середине 90-х годов XVII в. Возможно, выписки после смерти Сергея Поганкина (в 1693 или 1694 гг.) делал его сын Иван. Как явствует из приписок душеприказчиков, к 1711 г. число лавок возросло до 50. Заметки душеприказчиков к выпискам из мерных книг (после смерти Григория в 1711 г.) позволяют установить количество лавок, розданных в соответствии с завещанием и утраченных по разным причинам. Таких лавок 23. Оставшееся число лавок — 27 — содержится и в жалобах на неуплату налогов душеприказчиками.

Учитывая факты упоминания одних и тех же владений в 1-й и 2-й частях «Книги Поганкина» и распределение душеприказчиками владений только из 2-й части надо признать, что 2-я часть «Книги Поганкина» не является дополнением к 1-й части. Во 2-й части учтены не владения, скупавшиеся в нач. XVII в., а владения по состоянию на 1685 г. Сергей Поганкин не мог скупать владения в нач. XVII в., потому что родился он предположительно между 1610 и 1625 г.

С 1711 г. в Поганкиных палатах находились склады военного ведомства, которое арендовало их до 1747 г. у Корсаковых. Я. Н. Римский-Корсаков, вице-губернатор ингерманландский, мог получить палаты при помощи своего покровителя — А. Д. Меншикова. Не исключено, что так следует объяснять примечание о палатах в выписках из мерных книг 1685 г.: «описаны на великого государя за Якова Корсакова». Палаты специальным указом было предложено оценить в 1715 г., когда Яков Корсаков был под следствием по делу А. Д. Меншикова. Однако после ссылки Якова Корсакова палаты остались за его сыновьями. Таким образом, в течение 36 лет палаты находились во владении предков композитора Н. А. Римского-Корсакова.

В 1737 г. была предпринята попытка купить палаты за 3,5 тыс.

руб. Однако сделка не состоялась. В 1747 г. палаты были куплены за 2 тыс. руб. у капитан-командора Воина Яковлевича Римского-Корсакова и его брата Александра Яковлевича. При этом они отказались от неуплаченных с 1720 г. денег за аренду.

С 1711 по 1747 г. военное ведомство как арендатор, а Корсаковы, фактически не владея палатами, очевидно, не вкладывали денег в их ремонт. Этим можно объяснить плохое состояние, в котором палаты оказались к моменту покупки.

О. А. Васильева

ИСТОРИЯ ФОНДА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

В истории формирования фонда древнерусской живописи Псковского музея можно выделить три основных периода. Период I — дореволюционный. Тогда любители русской старины создали в Пскове два музея — Церковно-археологического Комитета и Археологического общества. В это время в музеи поступают (собираются, жертвуются) памятники далеко не одинаковые по степени их историко-художественной значимости. Но именно тогда складывается интересная коллекция произведений древнерусского искусства: живописи, шитья, скульптуры.

Период II. Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции был организован Псковский государственный музей. Его фонды в 20-е и 30-е годы пополнялись иконами из закрывающихся церквей. К сожалению, значительная часть этого собрания была утрачена во время Великой Отечественной войны. Уже в начале июля 1941 г. Псков был оккупирован немцами. Сотрудникам музея удалось эвакуировать лишь незначительную часть коллекций. Псковские иконы были вывезены оккупантами за пределы Советского Союза, но часть из них обнаружена после войны в Новгородском музее, куда попала с эшелом ценностей других музеев. Из Новгорода памятники древнерусской живописи (170 ед. хр.) вернулись в Псковский музей в 1955 г.

С конца 50-х годов в Псковской области начинает работу экспедиция по описанию, собиранию и взятию на учет произведений древнерусского искусства. За 10 лет работы было собрано, атрибуировано и описано более 100 икон.

В настоящее время собрание древнерусской живописи Псковского музея насчитывает около 1 тыс. ед. хр. Из них более 600 икон принадлежит к Псковской школе живописи XVI—XVII вв.

В музеях Москвы и Ленинграда псковские иконы преимущественно памятниками XIV—XV вв., поэтому последнее время исследовано специалистами крайне схематично. Для систематизации собрания и для улучшения работы по научному описанию памятников (что связано с созданием книг второй ступени учета) были выработаны направления и методика изучения

коллекции. Основная задача такого изучения заключается в уяснении происхождения и истории каждой иконы. Сложность выполнения исследовательской проблемы в том, что все довоенные книги поступлений исчезли в годы Великой Отечественной войны.

Самому пристальному изучению подвергаются подписные иконы. В музее их всего шесть и лишь одна («Антоний Римлянин») раскрыта.

Большие перспективы открывает изучение собраний дореволюционных музеев. Эти музеи выпускали каталоги, в которых указывался источник поступления памятника. При дальнейших поисках на основании этих данных можно определить первоначальное происхождение иконы.

Особую группу представляют произведения, вывезенные из псковских пригородных церквей в 1950—1960-х годах, что поднимает новую проблему о художественной традиции псковских пригородов, поэтому изучение этих икон определено нами в третье направление.

При отправке произведений искусства из Пскова в Германию оккупанты на тыльной стороне иконы помечали не только название города, но и название церкви, откуда вывезен памятник. По немецким номерам также можно определить происхождение иконы. Правильность направления исследований подтверждается тем, что уже определена история большинства икон с немецким шифром. Кроме того, реставратор Н. Ткачева сумела восстановить ансамбль иконостаса (по иконам двух псковских церквей — монастыря в Любятово и Николы со Усохи).

Конечным результатом исследовательской работы предполагается создание научного каталога древнерусской живописи Псковского музея. Большинство памятников пока, к сожалению, еще не введено в научный оборот.

А. К. Евдокимова

ОСОБЕННОСТИ НАКОПЛЕНИЯ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ В АНТРОПОГЕННЫХ ОРГАНИЧЕСКИХ СЛОЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПСКОВА И НОВГОРОДА)

При рассмотрении региональных особенностей антропогенной органической толщи, сформированной в природно-антропогенных комплексах урбанизированных территорий, необходим анализ двух групп процессов: накопление вещества — формирование толщи «культурного» слоя — осуществляется в результате хозяйственной деятельности человека, диагенез же вещества определяется особенностями функционирования урбанизированных природно-антропогенных систем.

Первая группа процессов для рассматриваемых территорий не имела существенных различий — поступление вещества, в частности, тяжелых металлов — Cu, Pb, Fe, Zn, Cr, — связывается с хо-

зяйственной деятельностью человека, прежде всего, с ремесленным производством. Технологические приемы ремесленников средневековья не выявляют значительных региональных особенностей, поэтому причины различий суммарных количественных характеристик антропогенных органических толщ (табл. 1) следует искать в особенностях протекания природных процессов соответствующих территориальных комплексов.

Таблица 1

Статистические показатели антропогенных органических толщ Новгорода (X—XV вв.) и Пскова (XIII—XVII вв.)

Наименование объекта	Концентрация металлов в мг/кг			Статистические показатели (параметры совокупности)			
	2	3	4	X _{max}	П		
1				5	6	7	8
<i>Троицкий раскоп Новгорода</i>							
Pb древесина	0.5—14.5	3.77	14.5	8.79	2.95	19	78.2
Pb ярус заплн.	1.7—13.09	4.33	13.1	10.37	3.22	17	74.3
Pb в целом		4.04	—	9.58	3.09	36	76.5
Zn древесина	10—140	66.21	142.1	1701	41.25	19	62.3
ярус заплн.	23—106	43.05	103	820	28.64	18	66.5
в целом		54.94	—	1406	37.50	37	68.2
Cu древесина	0.9—11	6.04	11.0	19.2	4.38	20	72.5
ярус заплн.	3.2—15.57	8.13	15.6	23.7	4.87	17	59.9
в целом		7.00	—	22.36	4.43	37	67.6
Fe древесина	200—5033	1113.8	5033	123142	1109	19	99.6
ярус заплн.	600—1320	698.9	1302	—	335.4	17	50.8
в целом	—	917.9	—	—	867.4	36	94.5
<i>Нутный — I, II, раскоп Новгорода</i>							
Pb древесина	0.5—8	1.76	8	2.5	1.59	21	90.3
ярус заплн.	0.2—49.8	6.06	49	101	10.05	22	1.60
в целом	—	3.96	—	57.56	7.59	43	1.92
Zn древесина	10—32	16.43	32	61.0	7.81	21	47.5
ярус заплн.	28—95	37.71	95	214.5	14.65	21	38.8
в целом	—	27.07	—	201.0	15.84	42	58.5
Cu древесина	1—6	2.61	6	1.97	1.40	21	53.6
ярус заплн.	3—18	11.15	18	10.82	3.29	20	29.5
в целом	—	6.78	—	24.51	4.95	41	73.0
Fe древесина	150—1380	481.73	1380	—	47519.3	22	10.8
ярус заплн.	360—2518	615	2518	—	192.5	20	31.3
в целом	—	545.19	—	—	404.17	42	74.1
<i>Раскоп на ул. Ленина, г. Псков</i>							
Pb древесина	0.6—17	3.5	17.5			36	78.1
ярус заплн.	2—34	6.87	34			11	56.7
в целом	—	5.70	—			47	82.7
Zn древесина	11—158	79.74	158.5			36	67.5
ярус заплн.	20—189	100.61	200.7			11	56.3
в целом	—	90.17	—			47	60.4
Cu древесина	0.5—131	41.53	131.1			36	43.8
ярус заплн.	9—156	62.3	156.2			11	44.7
в целом	—	52.42	—			47	45.9

Таблица 1 (продолжение)

Наименование объекта	Концентрация металлов в мг/кг			Статистические показатели (параметры совокупности)			
	2	3	4	X _{max}	П	7	8
1				5	6	7	8
Fe древесина	100—2750	285.0	2750			36	50.6
ярус заплн.	275—800	400.7	799.8			11	74.7
в целом	—	345.6	—			47	75.7

Результаты таблицы 1 позволяют утверждать, что общие параметры концентраций тяжелых металлов в антропогенной органической толще Пскова (XIII—XVII вв.) несколько выше. В первую очередь, это утверждение правомочно для Cu и Zn. Результаты атомно-абсорбционного анализа «материковых» отложений, подстилающих культурный слой на исследуемых территориях, (табл. 2) и анализа современного «культурного слоя» (табл. 3) свидетельствуют, что ни с современным воздействием, ни с влиянием подстилающих пород такие различия не связываются.

Таблица 2

Статистические показатели «материковых» отложений, подстилающих антропогенную органическую толщу Новгорода и Пскова

Наименование отложений	Металлы	Статистические показатели (параметры совокупности)				
		2	3	4	7	8
Ленточные оз. глины (г. Новгород)	Pb	4.58	8.97	2.99	7	65.3
	Cu	6.29	8.36	2.89	7	45.9
	Zn	4.22	3.81	1.95	7	46.21
	Fe	154.4	42901.4	207.1	7	13.4

Таблица 3

Статистические показатели современного культурного слоя Пскова и Новгорода (XX в.)

Наименование объекта	Металлы	Статистические показатели (параметры совокупности)				
		2	3	4	7	8
Новгород — современный культурный слой	Pb	55.6	3179	56.3	18	80.14
	Cu	21.9	289	17.0	18	77.7
	Zn	63.9	2458	49.58	18	77.5
	Fe	15556	—	12424.3	18	79.8
Псков — современный культурный слой	Pb	65.4	1769	42.06	11	64.3
	Cu	18.2	107	10.36	11	56.9
	Zn	52.3	540	23.24	11	44.4
	Fe	790.4	31754	178.2	11	22.5

Различия концентраций металлов связаны с различиями в гипсометрическом положении территорий, но, главным образом, с региональными геохимическими различиями исследуемых территорий.

Новгород возник на берегу р. Волхов вблизи оз. Ильмень. Слой озерных ленточных глин, подстилающих антропогенную органическую толщу, являясь прекрасным водоупором, обусловили постоянную влажность культурного слоя. Щелочно-кислотные (pH ÷ 5,5—6,5) и окислительно-восстановительные условия (eH ÷ 400—600 м-эkv) обусловили медленное протекание процесса разложения органики, возникновение в антропогенной толще кислого сорбционного барьера и фиксацию на барьере металлоорганических комплексов.

Псков. Литогенные компоненты природных комплексов представлены богатыми Са породами девона, перекрытыми достаточно маломощной свитой песчаных озерно-аллювиальных отложений. Влияние богатых Са подстилающих пород проявляется в создании щелочных условий (pH-7,0). Органические кислоты фиксируются Са, процесс их разложения идет существенно быстрее. С этим связана меньшая мощность культурного слоя, худшая сохранность древесины, но одновременно на карбонатном барьере металлы, вытесняя Са из поглощающего комплекса, образуют прочные комплексы.

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ

Б. Н. Харлашов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ПОГОСТОВ ПИСЦОВЫХ КНИГ В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Погосты писцовых книг — административные и религиозные центры губ — в Псковской земле до последнего времени археологически не изучались.

Подготовкой к археологическим исследованиям является составление карты погостов на основе данных имеющихся письменных источников. Самой ранней из сохранившихся писцовых книг, в которой содержится почти полный перечень псковских губ, является писцовая книга № 355 (1585/87 гг.). В ней перечислены 149 губ, 2 четверти, 2 трети и 1 волостка, распределенные между 7 засадами Псковского уезда (53 губы и 1 четверть) и 14 уездами пригородов Пскова (Гдов — 9; Красный — 7; Кобылье — 5; Остров — 7; Изборск — 6; Вышгородок — 8; Воронач — 8 губ и 1 треть; Дубков — 5; Выбор — 5; Врев — 4 губы и 1 четверть; Велье — 15; Володимерец — 3; Опочка — 13 губ и 1 треть; Себеж — 1 губа и 1 волостка).

Поиск погостов на картах XVIII—XX вв. позволил определить местонахождение 95% всех перечисленных в писцовой книге погостов. Археологическое обследование показало, что вблизи Смоленского и Каменского погостов расположены городища с культурным слоем, относящимся ко второй половине I тыс. н.э. Колбежицкий погост находится на окраине огромного (площадь около 10 га) древнерусского селища. К Новоуситовскому, Уситовскому Старому, Чирскому, Михайловскому, Муравейскому погостам примыкают селища, датированные по находкам фрагментов керамики временем не ранее XV в. Фрагменты керамики на Чирском, Уситовском Старом, Муравейском и Михайловском селищах распространены на очень ограниченной территории, равной размерам рядового селища — остатков малодворной деревни XV—XVII вв. Такими же были и размеры Колбежицкого поселения в период упоминания о нем в актах, летописях и в писцовой книге № 355. По-видимому, обнаруженные селища являются остатками усадеб священника и причта, обслуживавших погостскую церковь. Их присутствие рядом с церковью подтверждено письменными источниками.

Опираясь на результаты изучения погостов писцовых книг (К. А. Неволным, А. М. Андрияшевым, Б. А. Романовым, М. В. Витовым) и полученный в последние годы археологический материал, можно утверждать, что значительная часть погостов писцовых книг представляла собой обособленные от селений религиозно-административные комплексы. Часть погостов, отмеченных в писцовых книгах, возникла вблизи древнерусских центров сельской округи и располагается в зонах скопления археологических памятников. Территориальную близость старых поселений и погостов, вероятно, следует объяснить сохранением традиции расположения административного и религиозного центра округи.

Другая группа погостов, более поздних по происхождению, дислоцируется на водораздельных, не освоенных в древнерусское время территориях и связана скорее всего с новым этапом сельского расселения в XV—XVII вв.

Особое место занимают пригороды, выполнявшие роль коллективных погостов для части губ в уезде.

Археологические исследования показывают, что говорить о преемственной связи некоторых погостов писцовых книг с древнерусскими поселениями ошибочно, поскольку между «угасанием» жизни на старом поселении и возникновением погоста во всех известных случаях есть хронологический разрыв в 1—2 столетия или более. Погосты писцовых книг возникли в середине II тыс. н.э. на ранее заселенных землях и продолжали образовываться в ходе освоения новых территорий.

Вл. В. Седов

ТИПОЛОГИЯ КАМЕННЫХ ХРАМОВ ПСКОВСКИХ ПОГОСТОВ

Социально-экономическое и культурное развитие средневекового Пскова породили своеобразное явление — каменное строительство в сельской местности — уже в XV в. В Новгородской земле, по данным писцовых книг, также известны каменные храмы в погостах, а два из них — ц. Прокопия на Белой (1442 г.) и ц. Николая в Бурегах (до 1499 г.) относятся ко времени самостоятельности Новгорода. В Московском княжестве XIV—XV вв. и вообще в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. каменное строительство в селах чрезвычайно редко. Это — либо храмы, возведенные в селах великого князя (царя): Каменское (XIV в.), Остров (сер. XVI в.), Беседы и Вяземы (кон. XVI в.), либо — храмы в усадьбах крупнейших феодалов: Юркино (Голохвастовых), Иваниши (Шигони-Поджогины) — оба первой половины XVI в. В Псковской земле каменные храмы строились в погостах — административных и религиозных центрах сельской округи («губы»).

Первым датированным погостским храмом в Псковской земле

является ц. Успения в Мелетове (1461—1462 гг., роспись 1463 г.), построенная псковскими боярами Путковым и Кротовым. Видимо, после пожара крепости и церкви Кобыльского городища в 1480 г. здесь возводится каменная церковь (после разрушения крепости Кобылье городище превращается в сельское поселение). К 1484 г. относится постройка ц. Георгия в Печках. Возможно, что и храм в Пустом Воскресении 1496 г. был погостской церковью. После падения самостоятельности в 1510 г. первым упоминанием о каменном строительстве в погостах является известие о постройке ц. Ильи в Кривовицах (1529 г.). Между 1533 и 1547 гг. построена ц. Николы в Виделебье. Серединой XVI в. датируется ц. Преображения в Колпино (по колоколам 1557 г.). Остальные памятники датируются условно XV—XVI вв. и более детальная датировка их может быть определена лишь после исследования архитектурных особенностей.

Всего в пределах Псковской земли известно 23 каменных храма. Большинство из них (18) расположено в засадах Псковского уезда; в остальных уездах погостские храмы единичны: Гдовский — 2 (Доможирка, Ольгин Крест), Кобыльский — 1 (центральный храм уезда), Изборский — 1 (Сенно), Вышгородский — 2 (Старые Овсищи, Пустое Воскресенье?). Только два храма достоверно поставлены феодалами: Мелетово и ц. Николы в Виделебье, выстроенная Сабуровыми. Церкви не были непосредственно связаны с усадьбами (как это было на Северо-Востоке), а сохраняли характер погостских храмов. Сбор средств с населения на постройку церквей в Уситве и найм мастеров при постройке церкви в Кривовицах показывают, что мастера привлекались со стороны (вероятно, из Пскова), а строительство оплачивалось из средств прихода и за счет пользования церковной землей на «церковное строение» (Масленникова Н. Н.). Привлечение мастеров из Пскова подтверждается архитектурой храмов, которые нельзя назвать архаичными по отношению к собственно псковским церквям, хотя элемент упрощения присутствует несомненно.

Большинство погостских храмов (19) относится к крестовокупольной, четырехстолпной схеме, наиболее распространенной на Северо-Западной Руси XIV—XVI вв. Они могут быть разделены на четыре основных типа:

1) «Тип Мелетова». Тип средней по размерам церкви (сторона подкупольного квадрата 3 м, размеры 10×12 м), скругленные столбы, повышенные подпружные арки, многоскатное покрытие, прямоугольные боковые апсиды. Кроме ц. Успения в Мелетове, находящей непосредственную аналогию в ц. Козьмы и Дамиана с Примостья (1462—1463 гг.) и в более ранних храмах Довмонта Города XIV—нач. XV вв. (В. Д. Белецкий), к этому типу может быть отнесена ц. Рождества Богородицы в Старой Уситве, не имеющая прямоугольных апсид, но близкая по плановому и пространственному решению (70-е годы XV в.).

2) «Тип Георгия со Взвоза». Близкий к псковскому храму

1495 г. тип трехапсидной церкви со сводами без подпружных арок и восьмискатным покрытием. Наиболее ранним храмом, вероятно, является ц. Михаила Архангела в Кобыльем городище (80-е годы XV в.). Ц. Николы в Верхнем Мосту является репликой ц. Георгия со Взвоза, повторяя как конструкцию, так и фасадную декорацию прототипа. К этому же типу принадлежит и ц. Николы в Красных прудах, известная по фотографиям (XV—XVI вв.).

3) «Тип Выбут». Небольшие церкви (8×10 м) с одной апсидой без валиковых разводов, своды с подпружными арками, слитыми со сводами. Покрытие восьмискатное. Кроме ц. Ильи в Выбутах к этой группе относится ц. Рождества Богородицы в Новой Уситве, а по характеру плана и ц. Георгия в Камно. Возможно, что к этой группе относилась и ц. Георгия в Печках 1484 г., известная по гравюре Мейерберга. Подобный тип храма неизвестен в самом Пскове и, видимо, был характерен для строительства в Погостах.

4) «Тип Устья». Собственно «псковские» храмы — трехапсидные, с повышенными подпружными арками, покрытием на 8 скатов. Наиболее ранним является ц. Николы в Устье, условно датируемый концом XV в. (Б. С. Скобельцын). В XVI в. храмы строятся в большом количестве и схожи как по размерам, так и по решению фасадов и интерьера. Стандартные размеры (10×12 м), сторона подкупольного квадрата 3 м (лишь в одном случае — Виделебье — размеры 13×13 м, сторона подкупольного квадрата 2,5 м). Памятники этой группы близки к постройкам в небольших псковских монастырях XVI в. — ц. Климента и ц. Константина и Елены. Подцерковья отсутствуют, внутреннее пространство крестообразно благодаря угловым палаткам. Архитектурные новшества XVI в. (свободно стоящие столбы, скругленные на большую высоту, отсутствие угловых палаток), встречающиеся в ц. Иоакима и Анны, Василия на Горке, Николая со Усохи и др., применены лишь в одном памятнике — ц. Николы в Ольгином Кресте. Кроме церкви в Устье, к рассмотренному типу относятся ц. Георгия в Сенно, Николы в Виделебье, Троицы в Доможирке. Видимо, этот тип был наиболее устойчивым для каменного строительства в погостах. О двух храмах (ц. Покрова в Колбежицах и ц. Николы в Старых Овсищах) сведений мало и отнесение их к определенному типу преждевременно.

5) «Тип Торошино». Промежуточное положение между крестовокупольным и бесстолпными храмами занимает ц. Ильи в Торошино, западные столбы которой заменены пилястрами в стенах и консолями (Ю. П. Спегальский). Такая конструкция встречается лишь в архитектуре Балкан XIII—XIV вв. По архитектуре этот памятник скорее относится к XV в., чем к XVI в.

6) «Бесстолпные храмы». Принадлежность церкви в селе Пустое Воскресенье к погостским храмам не выяснена. Этот памятник перекрыт сложными ступенчатыми сводами. Бесстолпный храм Саввы Преподобного в «Савиной пустыне на Многе», возможно,

был построен еще во время существования монастыря. Характер сводов неизвестен. Церковь Преображения в Колпино (сер. XVI в.) представляет тип монастырского храма со сводами с несущей распалубкой, подобными перекрытию ц. Николая Каменноградского в Пскове и ц. Петра и Павла Верхнеостровского монастыря. Это единственная бесстолпная церковь, которая с уверенностью может быть отнесена к погостским.

А. Р. Артемьев

ЗАБЫТЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРИГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ ПСКОВА

Вопросы истории пригородских посадников Пскова относятся к числу наиболее темных моментов социально-политического устройства феодально-вечевой республики. Единственное объяснение этому — крайняя ограниченность наших источников.

В 1879 г. И. П. Бутырским уже вторично была опубликована надпись, не привлекавшая с тех пор внимание исследователей. Надпись вырезана в три строки на отлитой из низкопробного серебра дощечке, которая была прикреплена к иконе с изображением Всемилоственного Спаса, Исаакия и сподвижников его — Далмата и Фавита. В тексте сообщалось, что в 1554 г. икона была заключена в оклад, а написана была в 1428 г. повелением опочецких городских старост Семена Колосова и Федора Глины и всех опочан при посадниках опочецких Прокофии Макове, Тимофее Поткине и Зеновии в честь удачного отражения штурма города Витовтом в 1426 г. и снятия осады в день памяти трех последних из перечисленных выше святых.

Имена опочецких старост по другим источникам неизвестны. Что же касается посадников, то все они фигурируют и на страницах Псковских летописей. Прокофия Макове можно отождествить с Прокофием Масковичем, который упоминается во время похода псковичей в немецкую землю в 1407 г. Посадник Тимофей Поткин ездил в 1436 г. послом к великому князю, а в 1441 г. восстанавливал Опочку после пожара. Посадник Зеновий Михайлович трижды, в 1447, 1456 и 1461 гг., участвует в различных посольствах, а с весны по осень 1463 г. был степенным посадником псковским.

Число известных нам пригородских посадников, таким образом, достигло семи, а количество пригородов, где они зафиксированы, — пяти: к Острову, Вороначу, Опочке и Кобыле добавим Гдов, безымянный посадник которого фигурирует в статье 14 договора Пскова с Ливонией 1509 г. Русский текст этого договора опубликован Н. А. Казаковой (1983).

И. П. Бутырский полагал, что все упомянутые в надписи посадники по происхождению местные, опочецкие. С этим трудно согласиться. Мы не имеем никаких данных о проживании в при-

городах боярства, политическое могущество которого, как и в Новгороде, зависело в Пскове от степени участия в государственном управлении республикой, от власти, организованной на основе представительства от городских концов. Боярин в Псковской земле был центростремителен, городки — феодальные замки — отсутствуют в ней совсем.

Что представляло собой пригородское посадничество: обязательную промежуточную ступень перед получением должности собственно псковского посадника или временно занимаемую должность уже в ранге посадника Пскова? Казалось бы, источники говорят скорее за первую точку зрения. Из семи известных нам пригородских посадников четверо фигурируют потом и как псковские, причем эта последовательность (сначала пригородские, а затем псковские) ни разу не нарушена. Между тем, Тимофей Поткин, посланный в 1441 г. князем Александром и посадниками псковскими восстанавливать Опочку, кажется, является и пригородским посадником. Кроме того, крайняя редкость упоминания пригородских посадников (если не считать ими собственно псковских, за исключением находящихся на степени), должна свидетельствовать о нерегулярности избрания на эту должность. Последнее невозможно: пригороды Пскова были поделены для несения повинностей между концами города, каждый из которых имел представительство в посадничестве. По-видимому, именно эти посадники автоматически становились и пригородскими. Если это так, то судя по количеству посадников в 1426 г. в Вороначе — два, а в Опочке в 1428 г. — три, возможно, что вслед за введением в 1404—1406 гг. двойного представительства от концов в посадничестве (Колосова, 1984), в конце первой четверти XV в. оно было заменено для старейших концов города тройным. Незадолго до этого срок степенного посадничества в Пскове сокращается с года до половины, что также свидетельствует об увеличении количества посадников.

А. С. Герд

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ СЕБЕЖА

По данным лексики выделяется ряд микрозон, которые отчетливо очерчивают зону южнопсковских говоров (к югу от Красногородки, Опочки, Пушкинских Гор, Новоржева, Локни, Великих Лук). В пределах этой зоны хорошо выделяются микрозоны говоров к югу от линии Себеж-Идрица и Новосokolьники, а также такие микроареалы, как себежский, невельско-пустошкинский и великолукский. Отметим ряд микрозон, которые объединяют и выделяют западную полосу говоров (около Себежа, Острова, Печор). Начиная от Себежа и Опочки, фиксируются лексические границы, которые то в виде подковы, то — незамкнутого кольца

огибают с юга, востока и северо-востока центр Псковщины. Выявлены также микрзоны, которые тесно связывают Себеж с центром Псковщины — с районами около Пскова, Гдова и Порхова.

Зона южнопсковских говоров, в которую на западе входит и Себеж, свидетельствует о той большой роли, которую в разное время сыграли в истории формирования этноисторического ландшафта к югу от Пскова элементы, шедшие с юга (ср., например, границы культур днепро-двинской, культуры Тушемля-Банцеровщина, балтов и финнов, псковских и смоленско-полоцких кривичей, Литовского и Польско-Литовского государств). Обособление говоров вокруг Себежа и наличие отчетливых связей Себежа со Псковом, Островом, Гдовом и Опочкой свидетельствует о том, что даже во времена Польско-Литовского государства Себеж тяготел в основном к Пскову.

Наиболее загадочными являются многие границы, которые в виде полукольца огибают центр Псковщины вокруг Пскова, выделяя ядро около самого Пскова. Такое обособление территории окрестностей Пскова не могло сложиться только за время существования Псковского государства (1348—1510 гг.). По-видимому, обособление восходит к эпохе изборских кривичей, а скорее всего, еще к их дославянскому этническому прототипу.

М. А. Ткачев

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НЕВЕЛЬ

Точное время возникновения Невеля неизвестно. Местную округу летописи упоминают уже в XII в. как территорию Полоцкой земли. В начале XV в. Невельщина была в составе Великого княжества Литовского. Вероятно, тогда же, при великом князе Витовте и возникло укрепленное поселение при впадении р. Еменки (Емены) в оз. Невель. В 1562 г. Невелем, после кровавого сражения, овладели русские войска и находились тут до 1580 г. За эти годы замок был сильно укреплен, а в насыпь вала введена конструкция из брусьев. Со стороны города вырыли ров, наполнявшийся водой озера. По валу стояли деревянные срубы-городни, наполненные землей и покрытые дерном с внешней стороны.

В 1582 г. войско во главе с полоцким воеводою Н. Дорогостайским взяли «...Невель замок през подане примушоное трибом военным». Русские воеводы Бобров, Колычев и Бибииков сдались вместе с гарнизоном и всем оружием. Одной из причин сдачи оказалась нехватка пороха. Однако в том же 1582 г., согласно мирного договора между Русским государством и Речью Посполитой, Невель опять отошел к русской стороне. При передаче города было проведено «списание стрельбы», из которой видно, что в замке находилось 4 медные пушки, привезенные из Полоцка. Их длина достигала 1,5 сажени, калибр ядер определялся следующим образом: «з гусиное яйцо», «менш яйца гусиного». Имелось также 102 гаковницы, 4 русские пушки, калибром схожие с полоц-

кими, а также 4 пушки «меньшого калибра»: «куля до них с курачье яйцо».

В 1619 г. Невель вновь оказался в составе Великого княжества Литовского. Замок и город были защищены новым острогом. Имелось 8 башен и 4 ворот. Город с двух сторон защищал большой ров, укрепленный дрекольем и остроколом. В цейгхаузе числилось 13 бронзовых и железных пушек, аркебузы, гаковницы, большой запас боеприпасов.

Подобно белорусским городам Подвинья, король Сигизмунд III пожаловал Невелю магдебургское право, печать и герб, на котором изображался Давид, стоящий с мечом над убитым Голиафом (1623 г.). В это время замок города был укреплен 6 башнями, в том числе 2 воротами: «брамой Въездной» и «брамой Водной».

В 1633 г. город был захвачен неожиданным нападением русских войск, которые потом отбивали ожесточенные приступы войск Великого княжества Литовского. Однако по мирному договору 1633 г. русские были вынуждены оставить город. Структура укрепления замка и города осталась почти без изменений; лишь в линии городского острога инвентарь 1636 года упоминает ново строящиеся ворота — «браму Микольскую» и деревянную башню с напольной стороны. Документ зафиксировал повинности жителей города и волости по обороне города: поставка для ремонта укреплений по 2 бревна и 1 тесаной доске длиной в 4 сажня, ежеквартальный «попис» вооруженного мужского населения перед замковой и городской администрациями.

С 1649 г. король Ян Казимир пожаловал Невель и все «старостово» в пожизненное владение гетману Великого княжества Литовского Ф. Радзивиллу. Он не успел привести укрепления города в должное состояние, как грянула русско-польская война. В 1654 г. Невель не смог противостоять армии В. П. Шереметева и сдался. Все население заранее ушло из города, осталось только 112 чел. — 30 стариков, 6 пушкарей и воротников, 44 шляхтича и 32 человека казаков и посадских людей с детьми.

В июле 1656 г. царь Алексей Михайлович приказал строить в Невеле новый острог, который еще доделывали в 1661 г.

По Андрусовскому перемирию 1667 г. Невель отошел к Русскому государству, но в 1678 г. по вечному миру возвращен в состав Великого княжества Литовского и вновь стал владельческим городом князей Радзивиллов.

За период с 1681 по 1749 г. сохранилось 9 довольно подробных инвентарей города Невеля и замка. Они показывают, с одной стороны, стабильность планировки городской и замковой фортификации, а с другой — сочетание различных навалых конструкций, где стоял частокол, срубы-городни, башни большого размера и небольшие башенки — «бычки». Документы дают название двух больших башен («Волковня» и «Глинка») и всех ворот города: «брама Спасская, Егорьевская и Микольская». Последняя имела двойное название — «Никольская или Луцкая», так как выводил

ла на дорогу в Великие Луки. Название всем трем воротам даны по стоявшим рядом с ними церквам. Упоминаются также небольшие ворота — «фортки».

Инвентари зафиксировали состояние противопожарной охраны города, наличие десятично-сотенной структуры ополчения горожан, развертку военно-строительных работ среди мещан и крестьян 9 войтовств, обязанности невеличких реестровых и «листовных» казаков и мещан участвовать в ежеквартальных «пописах». Документы показывают значительное сокращение в городе населения в период Северной войны — 394 дыма в 1700 г. и 270 дымов в 1712 г. К 1731 г. Невель значительно вырос. У него появились пригороды, разместившиеся за брамой Луцкой, Спасской и Егоровской. В городе насчитывалось 403 дыма населения. Все еще стояло по башням и воротам 5 пушек, 2 мортиры, имелись гаковницы, ружья, ядра, пули, картечные заряды и прочая аммуниция.

Такую ситуацию фиксирует и последний известный инвентарь за 1749 г. Даже в 1772 г. в Невеле все еще были Луцкая, Спасская и Егоровская брамы. Позднее никаких сведений об укреплении города более в источниках не встречается.

А. Б. Лухтан, В. Ушинкас

ТЕРРИТОРИЯ «ЛИТОВСКОЙ ЗЕМЛИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I — НАЧАЛЕ II тыс. н. э.

Письменные источники конца I — начала II тыс. н. э. отмечают на территории юго-восточной Прибалтики наличие ряда «земель». Среди них наибольший интерес представляет Литовская земля (в узком смысле), которой суждено было стать интегрирующим центром в процессе становления феодального Литовского государства. Попытки локализовать Литовскую землю были предприняты в работах Г. Ловмянского (1932), Г. Пашкевича (1933), Е. Охманского (1981), Э. Гудавичюса (1981, 1983, 1985), М. Ермоловича (1985), но ни один из исследователей не смог привести достаточно убедительных аргументов в защиту своей точки зрения.

Общепризнано, что Литовская земля находилась в ареале культуры восточнолитовских курганов. Ранние этапы данной культуры характеризуются курганными могильниками IV—V вв. н. э. В это время умерших хоронили в курганах диаметром 7—8 м и высотой 0,5—1,2 м, песчаная насыпь которых у основания окружалась венцом из крупных камней. В грунтовой яме под насыпью встречается одно, а изредка несколько ориентированных на запад погребений по обряду труположения. Вместе с наиболее богатыми погребениями находят скелет коня. Погребальный инвентарь представлен украшениями, деталями одежды и оружием, значительно реже орудиями труда и фрагментами керамики. Все могильники данного периода расположены в бассейнах рек Нерис (Вилии), Жеймяна и Швянтойи.

На протяжении V в. в погребальном обряде отмечается постепенный переход к трупосожжению. В территориальном распространении могильников культуры восточнолитовских курганов V—VIII вв. отмечается тенденция продвижения на юг и юго-восток. Исчезают могильники в бассейне Швянтойи. Появление новых могильников зафиксировано в бассейне среднего течения р. Мяркис, в верховьях рек Гавья, Вильня, а также в бассейне р. Страча.

В IX—XIII вв. ареал распространения восточнолитовских курганов расширяется во всех направлениях, кроме восточного. Одновременно приходит в запустение ранее густо заселенный бассейн Страчи. В основном ареале курганных могильников выделяются две зоны наибольшей концентрации: в бассейне среднего течения р. Нерис и в верховьях бассейнов рек Жеймяна, Швянтойи и Дисна.

Анализ гидронимов Восточной Литвы позволяет выделить некоторые диалектные различия (А. Ванагас, 1968, 1970). К северу от р. Нерис (на левобережье р. Швянтойи и в бассейне р. Жеймяна) распространены гидронимы селонского происхождения. В бассейне среднего течения р. Неман отмечены гидронимы и топонимы ятвяжского происхождения.

Из письменных источников на территории Восточной Литвы известны следующие земли: Литва, Нальша, Делтува, Дайнава и Упите. Из них только Упите до сих пор достаточно четко локализована в верховьях бассейна р. Нявежис. Распространение курганных могильников с каменно-земляной насыпью, диалектные особенности гидронимов и топонимов, а также топонимы типа «Дайнава» четко очерчивающие ареал, позволяет нам локализовать Дайнавскую землю в бассейне среднего течения р. Неман. Территория Нальши и Делтувы определяется при помощи картографирования топонимов, связанных с именами исторически известных правителей данных земель (Э. Гудавичюс, 1984). В результате сопоставления данных территория Нальши определяется в северо-восточной части ареала распространения восточнолитовских курганов, а Делтувы — в бассейне среднего течения р. Швянтойи. Таким образом, Литовскую землю можно идентифицировать только с группой памятников, расположенных в среднем течении бассейна р. Нерис. Это подтверждается и картографированием феодальных владений ближайших родственников Миндовга, а также распространением топонимов типа «Литва». Здесь же расположены и такие важные исторические центры, как Вильнюс, Кернаве, Тракай.

Территорию Литовской земли накануне образования государства можно обрисовать следующим образом. На северо-западе она доходит до современного Йонавского р-на, на севере граница проходит по линии Ширвинтос, Гедрайчяй, Швенченеляй. На северо-востоке территория Литвы распространяется до Свирского озера, на востоке — до г. Сморгонь. От Сморгони граница прохо-

дит западнее Юратишек, через Вороново, Эйшишкес, Варена, Аукштадварис, Кайшядорис. Общая площадь составляет около 14 тыс. км². Если принять высчитанную Г. Ловмянским плотность населения Восточной Литвы (3 человека на 1 км²), то население Литовской земли должно было составлять около 42 тысяч человек.

В. А. Буров

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ ВОЛОСТИ В ЗЕМЛЕ СМОЛЕНСКИХ КРИВИЧЕЙ

Изучение новгородской Жабенской волости, состоявшей из концов и возникшей на основе рода-кона, заставило нас предпринять поиски аналогий, которые удалось обнаружить в материалах сопредельной с Новгородом Смоленской земли.

В. В. Седов составил и опубликовал подробную карту сельских поселений VIII—XV вв., располагавшихся к юго-востоку от Смоленска. Им выявлены местные общинные центры, раскопаны феодальные замки. Наше внимание привлек бассейн р. Волость, охватывающий площадь около 600 км² (20×30 км), что приближается к размерам волости Жабны и вполне сопоставимо с территорией «малых племен» (по Б. А. Рыбакову). Поселения расположены кустами по притокам. Полагая, что гидроним указывает на административно-территориальную единицу, некогда здесь существовавшую, принимаем «кусты» поселений за концы. Хронологический срез дает картину освоения местного кона-рода с VIII по XV вв.

Древнейшее поселение одного из кривичских родов — Ганинское селище — возникло здесь в VIII в. на р. Мошне. Рядом располагалось общинное кладбище — Ганинский могильник из 4 длинных курганов. В 3,5 км создано святилище (Рудловское городище болотного типа). Это — центр всей территории рода. В IX в. возникают поселения на притоке — р. Ливне (Ливенский конец). В X в. число поселений на Мошне и Ливне увеличивается. В XI в. возникают еще три конца: Свиной, Боровский, Волостной (названия условны, даны нами по наименованиям рек). Бассейн р. Волость практически освоен весь. Каждый конец, включавший скопления поселений по малым рекам, имеет свой центр — крупное поселение, к которому тянут несколько мелких ближайших поселений (округа) и расположенных поодаль несколько «кустов», состоящих в свою очередь из одного крупного и прилегающих мелких селищ.

Данная структура позволяет наметить эволюцию «концов» — «малых родов»: под которыми первоначально следует понимать патриархальные домашние общины (патронимии). Распад этой общины привел к соседской общине — верви. Конец превратился в совокупность соседских территориальных общин — вервей. Сменилась и форма земельной собственности. На смену родовой при-

шла форма землевладения, свойственная соседской общине. Верви получили землю, на что прямо указывает этимология слова «вервь» («мера земли», «мерная веревка», «вервление» — «измерение, межевание земли»). Каждой верви соответствует курганный могильник. Одна вервь включала скопление поселений, расположенных по соседству.

Таким образом, в XI в. на территории первоначального рода-кона находилось 53 поселения, относившихся к пяти концам. Всего насчитывалось 13 вервей. Конец XI в. был единицей административно-территориального деления не только Смоленской земли, но везде на Руси. С кона взималась вира (в Русской Правде, в Краткой редакции, имеется раздел «Покон вирный», предусматривающий сбор виры с кона). Конец являл собой место суда всей общины, культовый центр. Одна из важнейших функций кона состояла в сборе дани для князя. Наконец, конец — место пребывания местной родо-племенной знати, местных «князей», которые с XI в. именовались на Руси боярами. Термин «князь» тогда закрепился только за династией Рюриковичей.

В судьбе рассматриваемого кона в земле кривичей отразилась вся суть изменений в административно-территориальном делении Руси XI—XII вв., а также важнейшие сдвиги в социально-политической структуре государства. В последние десятилетия XI в. в 1,5 км от Ганинского селища возникает замок — Воротнинское городище. Еще раньше жизнь на Ганинском поселении прекратилась. Мы, таким образом, оказываемся у истоков сложения волости. Власть смоленского князя в конце утверждается с помощью силы: местные «князи»-князья уничтожаются, на смену общинному центру приходит замок-погост, слово «конец» заменяется на «волость». Само слово «волость» и переводится как «власть», «господство», «область, находящаяся под одной верховной властью». На погост поступает с концов дань. Видимо, в это время происходит и переименование реки, на которой стоял центр кона: «мошна» означает «сумка, или мешок для хранения денег, кошелек». На связь данного погоста с князем указывает и топоним — деревня Малое Княжье село (в 3 км от Воротнинского городища). В XIV—XV вв. на смену Воротнинскому городищу приходит Ганинское, в два раза большее по размерам. Происходит перемещение погоста.

Предшественником Воротнинского погоста, видимо, было Матвеевское городище, не содержащее культурных напластований и трактуемое обычно как городище-убежище. Однако его расположение на самом берегу р. Волость всего в 4 км от Ганинского селища позволяет нам считать этот памятник «становищем», раз в год принимавшим князя и его воинов, приходивших в данный конец «в полюдь».

Вторжение волостной системы приводит на рассматриваемой территории в начале XII в. к новым качественным изменениям. В это время на р. Волость в 1 км от общинного центра Волостного конца (Матвеевского селища) возникает замок феодала, Бо-

родинское городище. Рядом с ним имеется селище-спутник. Таким образом, перед нами — модель вотчины: какой-то дружинник смоленского князя получил в кормление один из концов волости.

Рассмотренная история сложения одной из волостей в земле смоленских кривичей позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Подобно тому, как границы древнерусских княжеств совпадали с границами племен, границы первых волостей совпадали с границами первоначальных владений отдельных родов — конов, а границы первых вотчин совпадали с границами концов. Сама система утверждения волости за счет подавления местного родового центра, где сидели «князи» (боярство по терминологии XI в.), раскрывает суть борьбы князей-Рюриковичей с местным боярством в XII—XIII вв., будь то Галицкая земля или Владимиро-Суздальская. «До меда не добраться, если пчел не подавить» — этот совет соцкого Микулы Даниилу Галицкому можно с полным правом назвать политическим лозунгом XII—XIII вв., когда шла активнейшая борьба на Руси за утверждения волостей в отдельных княжествах. Этот лозунг отражал политическую суть развития феодализма вглубь.

Напрашиваются и иные не менее важные выводы, связанные с проблемой происхождения древнерусского города. Выясняется, что на Руси было два градообразующих центра: общинный центр и замок-погост. Общинные центры конов шли по пути перерастания в города. Это были поселения городского типа. Здесь жили родо-племенная знать, ремесленники, обслуживавшие кон. Это были административные, религиозные центры округ. Неслучайно именно здесь находят вещи, характерные для городских слоев: стеклянные браслеты, монеты, печати. Перед нами явные зачатки городов. Перерастание в подлинные города таких центров сдерживала узость рамок местной территории, узость рынка сбыта продукции ремесла. Те центры, которые оказывались на важных водных магистралях, получали дополнительный толчок для своего развития (Тимерево). Однако судьбы многих общинных центров были predeterminedены вторжением волости. Напротив Тимерева Ярослав ставит крепость-замок. Такая же судьба постигла и Гнездово — племенной центр смоленских кривичей. Вторжение системы волости, изъятие прибавочного продукта в виде дани с кона, истребление местных князей подорвало политические и экономические основы перерастания общинных центров в города. Город стал развиваться вокруг великокняжеских замков, погостов.

Происхождение Новгорода также надо рассматривать в данном ключе. Отличие Новгорода от других земель состояло в том, что здесь сохранились местные князья (или бояре), а сам Новгород возник как столица федерации племен. Но по структуре это была та же волость: замку князя (Рюриково городище) здесь противостояло три неуничтоженных общинных центра: Людин, Славенский и Неревский концы с местным боярством (местными великими князьями). Если в других частях Руси противостояние

замку общинному центру закончилось гибелью общинного центра, то в Новгороде победа была на стороне местных князей, что и предопределило общинные основы Новгородского государства, Новгородской феодальной республики. Таким образом, с методологической точки зрения проблема происхождения древнерусского города должна решаться в совокупности с проблемой сложения волости. Без учета этого происхождения древнерусского города так и останется неразрешенной загадкой истории.

Л. Дзикас

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О РОСТЕ ТЕРРИТОРИИ ВИЛЬНЮСА В XII—XVI вв.

За период с 1980 по 1985 гг. археологические исследования проводились в Вильнюсе в 28 местах, а на 81 объекте велся археологический надзор. Частично исследована территория Верхнего и Нижнего княжеских замков, продолжаются исследования бывшего Кафедрального собора и арсенала. Полученный материал свидетельствует, что именно эта территория является колыбелью города. Так, на территории бывшего арсенала исследованы культурные слои мощностью до 7,5 м. В нижнем горизонте, обнаружены остатки стоянки, которая радиоуглеродным методом датирована финальным неолитом — началом эпохи бронзы.

С начала II тыс. н.э. на данной территории наблюдаются следы интенсивной деятельности человека. В XII—XIV вв. здесь уже существовали деревянные срубные дома, улицы имели деревянные мостовые. Обнаружены следы вала, окружавшего город с северо-запада.

В XIV (XIII?) — начале XV вв. на рассматриваемой территории зафиксировано интенсивное строительство зданий из камня и кирпича, деревянные мостовые заменяются каменной вымосткой.

Сходная картина наблюдается и на соседней горе Гедиминаса. Исследования дали картину непрерывной жизни на этой территории, начиная с I тыс. до н.э. Здесь также наблюдаются следы деревянной застройки XI—XIII вв. и интенсивной каменной застройки XIV—XV вв.

Продолжающиеся исследования бывшего Кафедрального собора дают материалы VI—XVIII вв. Открытые остатки архаичной каменной постройки, возможно, являются Кафедральным собором Миндовга XIII в.

Второй центр, положивший начало юго-восточной части города, был расположен на территории между улицами Бокшто и Сяурою. Здесь исследованы культурные слои мощностью до 4,5 м. В нижних горизонтах обнаружен материал XIII—XIV вв. Отметим найденный здесь очаг XIV в., который применялся, возможно,

для жертвоприношений. Начиная с конца XIV в., территория застраивается каменными зданиями.

Возможно существование третьего центра, расположенного между улицами Бокшто, Латако и Литерату. Как показали исследования близ перекрестка ул. Горького и Латако, нижние слои здесь содержат материал XIII (?) — XIV вв. В последующие периоды здесь также наблюдается интенсивная застройка.

Начиная с конца XIV в. город переживает бурный экономический и культурный подъем. Основная застройка города — готические каменные здания.

Археологические данные позволяют утверждать, что рост Вильнюса происходил за счет соединения изначальных центров сетью улиц. Можно предположить, что современная ул. Горького была построена, как их соединяющая нить (не раньше нач. XV в.). Она соединяла все 3 центра. При раскопках на ул. Горького, 16 и во дворах Вильнюсского университета найдены следы каменной застройки XV в. и характерный археологический материал, а слои и материал более раннего времени не обнаружены. Исследования на ул. Гедре (ок. 3500 м²), на ул. Лигогинес, Гаряле, Кедайню и др., показали, что эти районы интенсивно заселяются только с конца XIV — начала XVI вв.: строятся каменные дома, на улицах появляются каменные мостовые, заканчивается формирование уличной сети.

Исследования, проведенные на ул. Жямайтис, Арклю, Месиню, Траку, Кедайню, Субачяус, Горького, Лабдарю показали, что рядом с очагами интенсивной готической застройки, существовали пустыри, а также сады и огороды горожан.

В первой половине XVI в. Вильнюс был обнесен оборонительной стеной с воротами. Дальнейшее развитие города, за редким исключением, вплоть до XIX в. проходило именно на этой территории.

М. Э. Аун

ИЗУЧЕНИЕ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ

В последнее десятилетие (1974—1984 гг.) продолжалось изучение курганов с сожжениями вблизи западного побережья Псковского озера. За эти годы здесь было раскопано целиком два могильника (Рысна-Сааре I и II) частично исследованы могильники Лаоссина II, V, Сууре-Рысна. В бассейне р. Ахья проведены спасательные раскопки могильника в Тагаметса. Небольшие раскопки разведочного характера проведены в могильниках Кяэпа I и Сювахавва в бассейне р. Выханду (С. К. Лаул).

Конструктивные особенности исследованных длинных курганов оказались различными. Различалось соотношение погребений разных типов как внутри одного, так и в разных могильниках, а

также соотношение инвентарных и безынвентарных захоронений. Подтвердилось высказанное ранее мнение о некотором различии длинных и круглых курганов, причем круглые курганы представляют несколько более развитый этап в курганном обряде захоронения. Выявлены микрорегиональные особенности курганного обряда в разных районах изучаемой территории.

Для реконструкции процесса перехода к курганному обряду захоронения и определения этапности его дальнейшего развития в период второй половины I тыс. н. э. наиболее интересные результаты получены при сопоставлении материалов из могильника Рысна-Сааре I и II. Эти могильники отличаются друг от друга как составом и местонахождением курганов в могильнике, так и устройством насыпей, количеством захоронений и характером их помещения, а также составом погребального инвентаря. Бросается в глаза то, что в могильнике Рысна-Сааре I в курганном обряде захоронения более представлены реликтовые явления, восходящие к докурганному времени. Некоторыми архаичными элементами в обряде выделяются и могильники Сууре-Рысна и Лаоссина V на западном побережье Псковского озера. В составе этих могильников имеется большое количество длинных насыпей. Примечательно, что в курганах могильника Сууре-Рысна элементы обрядности разного времени находятся в разных частях одного и того же длинного кургана. Поздние элементы обрядности тяготеют к северо-восточной части кургана.

Большое разнообразие в устройстве насыпей, способе захоронения и составе погребального инвентаря свидетельствует о некоторых изменениях в обрядности, происходивших во второй половине I тыс. н. э. В начальный период (VI—VII вв.) курганный обряд отличается от предшествующего ему обряда грунтовых трупосожжений лишь наличием курганной насыпи. Но некоторые новые элементы в курганном обряде прослеживаются уже в VII в. н. э. В ранний период в длинных курганах появляются отдельные погребения с богатым инвентарем. Основную часть сопровождающего инвентаря в богатых погребениях составляют предметы поясного набора.

Наиболее существенные изменения в курганном обряде прослеживаются начиная с VIII в. С этого времени в юго-восточной Эстонии преобладают захоронения в круглых курганах. К позднему этапу относятся все могильники из круглых курганов и могильники, в которых вместе с круглыми курганами имеются единичные длинные насыпи. С этим же временем связывается, по всей вероятности, и наибольшее распространение комбинированных курганов: круглая часть, как правило, находится в северо-восточном конце длинного кургана.

К позднему этапу относится также основная часть захоронений в глиняных урнах и погребения в деревянных сооружениях. Последние известны пока только на восточной окраине ареала. Погребения в деревянных сооружениях свидетельствуют об опре-

деленном социальном положении погребенных. Иногда погребальный инвентарь в этих захоронениях вообще отсутствует (Лаосси-на II) или весьма незначительный (Рысна-Сааре I).

В погребениях позднего периода значительно чаще встречаются кости животных. Чаще всего кости животных (в пережженном или непережженном виде) вместе с кальцинированными костями человека в круглых курганах или в круглых частях длинных курганов. Лишь в одном случае зафиксирован обычай помещать несожженные кости животного в погребальной яме под кальцинированными костями человека (Лаоссина V). В более ранних курганах кости животных обычно встречаются под насыпью вне погребений (Сууре-Рысна).

К VIII в. относится также появление традиции сооружать для первичных захоронений вместо погребальных площадок четырехугольной или округлой формы низкие круглые насыпи малых размеров. Погребения помещены на поверхность этих насыпей, после чего производилась досыпка кургана (Тагаметса). Чаще всего этот обычай встречен в могильниках с круглыми курганами.

Новые исследования курганов с сожжениями в юго-восточной Эстонии показывают, что в курганном обряде имеются некоторые различия не только между юго-восточной Эстонией и сопредельными с ней территориями к востоку и юго-востоку от нее, но и между разными районами самой юго-восточной Эстонии.

Н. А. Ефимова

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЯНОМОЛЕ

Курганные могильники с длинными и удлиненными курганами распространены на сравнительно небольшой части Латвии: в бассейне р. Великой и по течению р. Даугавы. В 1930-е годы изучением этих памятников занимался Ф. Балодис. Он раскопал траншеей три длинных насыпи в могильниках Шешки, Латышонки и Пакрули. В 1954 г. один длинный курган в могильнике Каталава исследовала Э. Д. Шноре. Во всех насыпях были открыты зольно-угольные прослойки на материке и погребения по обряду трупосожжения. В 1971 г. Э. Д. Шноре и А. Э. Зариня обследовали могильники с длинными курганами в среднем течении Даугавы.

В последние годы изучение памятников культуры длинных курганов на территории Латвии активизировалось. Среди других памятников исследования были произведены в могильнике Яномоле — одном из окраинных пунктов ареала распространения культуры длинных курганов в бассейне Даугавы.

Курганный могильник Яномоле находится в лесу близ излучины левого берега Даугавы, в 40 км выше по течению от г. Даугавпилс. Курганы занимают третью надпойменную террасу, расположены в трех обособленных группах. Большинство курганов невысокие (0,4—1,6 м). Только несколько насыпей высотой более

2 м имело конусовидную форму. Именно вокруг этих сопкообразных насыпей группировались остальные курганы.

Раскопки Яномольских курганов были проведены в 1982—1983 гг. Исследовано 15 курганов. 9 из них в плане вытянутые, удлиненно-овальные, с уплощенными вершинами; шесть длинной осью ориентированы перпендикулярно берегу реки. 6 курганов — в плане неправильно округлые.

В основании всех раскопанных курганов, кроме следов кострищ, была открыта прослойка сероватого зольного песка мощностью 0,1—0,3 м. В верхней части она имела углистые включения. Прослойка выходила за пределы насыпей. Шурфовка межкурганных пространств и участков леса за пределами могильника выявила эту прослойку на значительной территории. Вероятнее всего, она представляет собой слой погребенного подзола. У большинства насыпей в основании открыты подсыпки мощностью 0,1—0,35 м.

Курганы содержали погребения по обряду сожжения на стороне. Кальцинированные кости, как правило, слабого обжига и крайне плохой сохранности. По способу помещения праха в кургане и по деталям ритуала выделяются два основных типа погребальных сооружений вне зависимости от формы кургана.

Тип 1. Курганы сооружались до совершения захоронений. В основании насыпей, часто на подсыпке, обнаружены овальные, круглые или четырехугольные площадки из слегка углистого сероватого песка с мелкими штрихообразными угольками — следы очищения места будущего кургана огнем. Над площадкой сооружалась песчаная насыпь. Остатки трупосожжения рассыпались на поверхности насыпи, не образуя компактного скопления. Кальцинированные кости этих погребений обнаружены непосредственно под дерном. Курганы первого типа содержали, в основном, по одному погребению.

Тип 2. Курганы этого типа выделяются наличием одного или нескольких зольно-угольных кострищ в основании насыпи или в самой насыпи. Захоронения помещались в небольших ямках в слое кострища или под ним. В нескольких случаях над ямками с погребениями отмечены небольшие индивидуальные кострища, содержащие целые головни. Как правило, курганные насыпи второго типа сооружались в несколько приемов и содержали от 4 до 10 погребений.

Своеобразен удлиненно-овальный курган 3 в группе Яномоле-II, совмещивший признаки первого и второго типов. В нем на материке прослежены остатки погребального сооружения столбовой конструкции. Близкое по конструкции сооружение было обнаружено в кургане 11 могильника Лаоссина II на западном побережье Псковского озера.

Все исследованные погребения безынвентарны. Только в кургане 1 группы Яномоле-III в погребальной ямке найден кусочек оплавленного стекла.

Топография курганов в Яномоле и ориентация насыпей перпендикулярно берегу реки сближает могильник с курганами Смоленщины и Полоцкого Подвинья. В Яномоле отмечено применение глины при подготовке площадки для погребального костра, наличие подсыпок, что неоднократно отмечалось при раскопках смоленско-полоцких длинных курганов. К характерным особенностям последних, отмеченным в могильнике Яномоле, относятся также индивидуальные кострища погребений.

Таким образом, ориентировка насыпей, подготовка места ритуального костра, способ и последовательность насыпания кургана, варианты помещения праха в насыпи позволяют отнести курганный могильник Яномоле к периферии ареала культуры смоленско-полоцких длинных курганов последней четверти I тыс. н. э.

В. А. Буров

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕРЕВСКОГО РАСКОПА 1951—1962 гг.)

Берестяные грамоты давно стали одним из важнейших источников по изучению древнего Новгорода и Руси. Однако многие письма на бересте из раскопок прежних лет еще нуждаются в правильном прочтении как отдельных терминов, так и текста в целом.

I. Безадресные обрывки грамот с усадьбы бояр Мишиничей-Онцифоровичей (двор Д). В слое XIV—XV вв. на данной усадьбе помимо 10 писем, связанных с посадничьей семьей и называющих имена членов этой семьи, найдены обрывки без указания адресата (всего 14 грамот). Из них №№ 166, 340 и 387 не поддаются толкованию, а № 343 содержит только имена. Остальные грамоты дают дворовладельцу яркую социальную характеристику. В бересте № 342 записаны цифры. Л. В. Черепнин полагает, что это запись для справок при ведении расчетов в хозяйстве купца или феодала. Письмо № 320 — перечень крестьянских повинностей хлебом и деньгами. Грамота № 325 — справка или памятная запись о крестьянских недоимках. Грамота № 96 упоминает земледельческие орудия — сошники. В текстах № 104 и 386 речь идет о земле. В грамоте 337 упомянута мера ячменя или овса. Письмо № 102 — это донесение приказчика феодалу о крестьянах. Береста № 345 — разгневанное послание феодала крестьянам, ослушавшимся в чем-то своего господина. Наконец, послание № 392 представляет собой договор денежного займа в 20 гривен.

Перечисленные письма на бересте подтверждают, что на дворе Д в XIV—XV вв. жили бояре-землевладельцы. Отсюда нетрудно сделать важный практический вывод: для социальной характеристики дворовладельца вполне правомерно привлечение писем, не сохранивших в заголовке имя адресата.

II. Грамота № 109 дает возможность поставить вопрос о родо-

словии бояр Мишиничей-Онцифоровичей. Береста найдена на усадьбе Д в слое 1096—1116 гг. Это письмо княжеского дружинника Жизномира к Микуле о рабыне, купленной Микулой в Пскове. Привлечение норм Правды Русской — статьи 14 Краткой редакции, согласно которой третий ответчик должен отдать истцу своего раба, чтобы взять украденного для продолжения поиска и опознания настоящего вора — позволило установить взаимоотношение всех лиц, упомянутых в настоящей бересте. Княгиня — истец, Жизномир — первый ответчик, Микула — второй ответчик, пскович — третий ответчик. Таким образом, Микула не был слугой, как это считают исследователи, он оказался состоятельным новгородцем, перепродавшим рабыню Жизномиру. Привлечение всех писем XII—XIII вв. с двора Д доказало, что в это время двор Д оставался боярским. А коль скоро в XIV—XV вв. им владеет посадничья боярская семья Мишиничей-Онцифоровичей и коль скоро городское боярское землевладение восходит к истокам новгородской истории, то Микулу следует считать также боярином, вероятным предком Мишиничей.

Летописи знают для этого времени одного боярина Микулу — новгородского посадника, восьмого из девяти посадников времени княжения Мстислава Владимировича (1088—1117 гг.). У посадника Микулы было двое сыновей, также посадников. Петр Микулинич погиб в 1134 г. в битве на Ждане горе. С ним мы связываем письмо № 336 (1096—1134 гг.) — переписку новгородских данников. С Константином Микулиничем мы соотносим этикетку № 397: «Къснятина грамота», которая найдена в слое начала XIII в. и которая трактуется А. В. Арциховским как этикетка от семейного архива. Добавим семейного боярского архива предков Онцифоровичей.

III. В бересте № 49 обращает на себя внимание фраза о «печаловании». Л. В. Черепнин предполагает, что «печалование» имело юридическое значение: участие в устройстве дел умершего Бориса, упомянутого в послании № 49. Подборка грамот со словом «печаловати» (№ 135, 167, 289, 310, 373, 531, 302) полностью подтверждают вывод исследователя. Перечисленные послания на бересте представляют собой жалобы и послания, посвященные конфликтным ситуациям, требующим вмешательства судебных органов или феодала (если феодал правомочен устранить конфликт).

IV. В письме № 124 слово «изонама» нами переводится как «из нама» (изо — изъ), т. е. из (вместо) процента. Перевод слова «намо» как процент еще ранее было установлено В. Л. Яниным для других грамот.

V. Письмо № 65 известно в литературе как древнейшее известие о рубле. Однако стратиграфическая дата послания (12 ярус, 1281—1299 гг.) нуждается в уточнении. Изучение полевых чертежей и привлечение нивелировочных отметок выявило следующую ситуацию. Береста № 65 найдена в 1,5 м от Холопьевой улицы. Нивелировочные отметки плах улицы для 11 яруса — 307/316 см,

для 12 яруса — 334/337 см. Отметка письма — 321 см, т. е. выше настилов 12 яруса. Отсюда грамоту № 65 (и древнейшее упоминаемые рубля) нужно датировать 11 ярусом: 1299—1313 гг.

П. Г. Гайдуков

**КЛАД РУССКИХ МОНЕТ XV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВВ.
ИЗ ХУТОРА КУЗНЕЧИХА ПЕЧОРСКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛ.
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)**

В 1937 г. при распашке огорода житель хут. Кузнечиха (в настоящее время входит в черту д. Заболотье Печорского р-на) М. Ключин обнаружил клад русских серебряных монет. Клад помещался в глиняном сосуде, верхняя часть которого была срезана плугом и часть монет попала в землю. Находчик извлек нижнюю часть сосуда с монетами, собрал часть рассыпавшихся монет и передал свою находку властям. Сначала клад находился в г. Тарту, а после Великой Отечественной войны передан в г. Таллин. В настоящее время 814 монет из клада хранятся в Институте истории АН Эстонской ССР.

В фондах Псковского гос. музея-заповедника хранится 88 монет из описываемого клада, которые были приобретены в 1955 г. у Г. П. Быстрова, проживавшего в д. Зимний Борок Печорского р-на. Как оказались эти монеты у Г. П. Быстрова, неизвестно. Возможно, что они попали к нему от находчика клада или его родственников.

Несколько лет назад в Отдел нумизматики Гос. Эрмитажа поступили сведения о том, что у одного из коллекционеров из г. Печоры хранится часть клада русских монет XV в., найденного неподалеку от города. Летом 1984 г. после знакомства с этим коллекционером было выяснено, что в конце 1960-х годов два печорских коллекционера получили от жителя хут. Кузнечиха И. К. Кустина около 40 монет, происходящих из рассматриваемого клада. В настоящее время в коллекциях этих собирателей находится 20 монет.

Знакомство с И. К. Кустиным показало, что у него хранится 371 монета из клада, найденного в 1937 г. Монеты собраны с 1937 по 1984 г. на месте находки клада и в непосредственной близости от него. Они составляют ту часть клада, которая находилась в верхней части сосуда и после его разрушения попала в землю. В основном, монеты были собраны в 1950-х годах, когда земли впервые подверглись машинной распашке.

Всего в настоящее время насчитывается 1293 монеты из клада. Сопоставление разных частей клада показало близкую их структуру. Около 40 монет разошлись по рукам и осмотреть их пока не удалось.

Состав сохранившейся части клада:

Псков (1425—1510), денги 855 экз.

Новгород (1420—1478), денги	12 экз.
Москва, Василий II (1425—1462), денги	9 экз.
Серпухов, Василий Ярославич (1426—1483), денга	1 экз.
Рязань, Василий Иванович (после 1456), денги	2 экз.
Иван III (1462—1505), денги	87 экз.
Времени Ивана III — Василия III (1462—1533), денги	139 экз.
Василий III (1505—1533):	173 экз.
денги псковского денежного двора:	137 экз.
с буквой Ж под всадником (Заманина)	32 экз.
с буквами ICA под всадником	50 экз.
с буквами IB под всадником	34 экз.
буквы не установлены	21 экз.
четверетцы или полушки (Псков, после 1510 ?)	7 экз.
денги других денежных дворов	29 экз.
Иван IV (1533—1547), денга	1 экз.
Неопределенные монеты	14 экз.

На основе единственной монеты Ивана IV сокрытие клада можно отнести к середине 30-х годов XVI в.

До находки рассматриваемого клада было известно 12 кладов русских монет, в состав которых входили псковские монеты периода независимости. Из них лишь один попал в музейное собрание (Гос. Эрмитаж — 185 монет, из них 48 псковских монет XV в.). Об остальных известны лишь краткие сведения, так как все они найдены в XIX в. В связи с этим клад из хут. Кузнечиха приобретает особый научный интерес. На 66% он состоит из псковских монет периода существования Псковской феодальной республики, что впервые дает возможность подробного изучения псковской монетной чеканки XV в. Ввод в научный оборот 855 новых псковских монет XV в. значительно увеличит фонд известных денежных единиц этого города, количество которых в начале 1960-х гг. было равно примерно 3000 экз.

В. Казакивичюс

РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЛИТВЫ В I ТЫС. Н. Э.

В последние века до н. э. железное оружие было известно только западным балтам. Железо для изготовления оружия, в первую очередь для наконечников копий, на территории Литвы начали употреблять со II в. н. э. Самые ранние наконечники обнаруживаются в погребениях западной части Литвы и Центральной Жемайтии. В погребениях II—IV вв. их известно свыше 200. Постепенно распространяясь, копьё к середине I тыс. н. э. стало основным видом оружия жителей территории всей Литвы, кроме центральной ее части. В погребениях V—VIII вв. их обнаружено свыше 1000. Часто в погребения помещали 2—3 и даже 4 копьё. Разнообразнее становятся формы и величина наконечников. Появля-

ются новые, неизвестные раньше формы наконечников, родиной которых можно считать земли балтских племен.

Лук и стрелы были распространены на территории Литвы меньше. В культурном слое городищ и селищ Литвы I тыс. до н. э. редко встречаются наконечники стрел, а в памятниках I тыс. н. э. их найдено лишь около 50.

Редкой находкой являются также боевые топоры. Выделяются две группы топоров: узколезвийные проушные орнаментированные и со щекавицами-выступами. Всего известно 22 топора. Они встречены в погребениях Восточной Литвы с труположениями и с трупосожжениями (V—X вв.).

Оружием можно считать и длинные ножи (25—49,3 см), появившиеся в мужских погребениях центральной и северной Литвы в первой половине I тыс. н. э. В погребениях III—IV вв. они встречаются редко, но число находок возрастает к середине — второй половине I тыс. н. э. Таких ножей найдено свыше 100.

С середины I тыс. н. э. появляются двулезвийные и однолезвийные мечи, широкие боевые ножи-мечи, боевые топоры.

Двулезвийных импортных мечей найдено 2, оба — в «княжеских» погребениях V — нач. VI вв. в Восточной и Южной частях Литвы. Однолезвийных мечей местного производства в погребениях V—X вв. Западной Литвы известно около 110. Широкие боевые ножи-мечи — специфическое оружие жемайтов, земгалов и латгалов. Они появляются в VII в. и бытуют до XI в. Их найдено около 180.

С III в. на побережье Балтийского моря появляются щиты с железными умбонами. Находки умбонов до IV—V вв. редки. В V—VIII вв. щиты с железными умбонами распространяются по всей территории Литвы, но особенно — в Восточной и Южной. В общей сложности найдено около 100 железных деталей щитов — умбонов, рукояток и оковок краев щита.

Таким образом, в развитии вооружения I тыс. н. э. на территории Литвы можно выделить два этапа: 1) II—IV вв., когда начинается производство железного оружия, оно распространяется и усваивается; 2) V—IX вв. — отбор форм старых видов оружия, активные поиски новых форм, появление и усовершенствование новых видов оружия. В течение всего времени преобладало оружие, изготовленное местными оружейниками. Многообразие форм и типов оружия, предназначенных для разных приемов борьбы, требовало от ремесленников специальных навыков кузнечного дела, хорошего знания свойств железа и железообрабатывающей технологии.

С середины I тыс. н. э. количество оружия в археологических памятниках Литвы резко возрастает. Это связано не только с ростом имущественного и социального неравенства и с участвовавшими в связи с этим военными столкновениями среди балтских племен, но и с Великим переселением народов.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. В. Седов

ЭТНОГЕНЕЗ ДРЕВНИХ СЛАВЯН (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ)

Начальный этап формирования славян как самостоятельного индо-европейского этноса на материалах археологии при использовании данных иных наук был исследован мною в книге «Происхождение и ранняя история славян» (М., 1979). Начало славянства археологически соответствует образованию в середине I тыс. до н. э. культуре подклошевых погребений в бассейне Вислы. Эта археологическая культура сложилась в результате взаимодействия так называемых древнеевропейских племен — носителей лужицкой культуры с племенами поморской культуры, принадлежащими в языковом отношении к окраинным диалектам балтов.

В конце II в. до н. э. культура подклошевых погребений сменяется пшеворской (I в. до н. э. — V в. н. э.). Этот период характеризуется культурным и языковым взаимодействием славян с германцами, которые проникли на славянскую территорию с запада, и кельтскими племенами, заселявшими Силезию и Малопольшу, откуда наблюдается инфильтрация их в славянскую среду. Во II—III вв. н. э. группа славян заселяет севернопричерноморские области, прежде занятые ираноязычным скифо-сарматским населением. Результатом славяно-иранского симбиоза было формирование антов — крупной диалектно-племенной группировки славянства накануне их широкого расселения и распада праславянского языка.

Новейшие исследования новгородских берестяных грамот и материалов словаря псковских говоров допускают предположение, что славяне, расселившиеся на территории Новгородской и Псковской земель, составляли отдельную диалектно-племенную группировку праславян (установлено, что древний новгородский диалект не знал второй палатализации). Очевидно, эта группа славян оторвалась от основной массы славянства в сравнительно раннее время. Археологические материалы определяют это расселение временем не позднее середины I тыс. н. э. И. Вернер показал, что В-образные рифленые пряжки из длинных курганов имеют сред-

неевропейское происхождение и время появления их на Псковщине следует ограничить V в. н.э. К средневропейским по происхождению могут быть отнесены и некоторые другие металлические вешевые находки из ранних длинных курганов.

Параллельно в археологической литературе бытует мнение, что славяне не были знакомы с провинциально-римскими культурами. Раннесредневековые славянские древности и общественное развитие славян, утверждают эти исследователи, были несколько более примитивными. Поэтому славяне в римское и в более раннее время жили где-то в лесной зоне Восточной Европы. Наиболее последовательно в последние годы эту точку зрения отстаивает К. Годловский. Согласно последнему, славяне сформировались в Верхнем Поднепровье, их основной культурой была позднезарубинецкая, в третьей четверти I тысячелетия связанные с ней происхождением культуры киевская, корчакская, колочинская, тушемлинская и длинных курганов. Отсюда и началось широкое славянское расселение в Средней Европе и на Балканах.

Мысль о позднезарубинецком начале славянской культуры раннего средневековья несколько в ином варианте развивают и некоторые украинские археологи.

Наряду с археологами проблема этногенеза ранних славян активно разрабатывается лингвистами. Согласно О. Н. Трубачеву, славянская прародина была весьма подвижной территорией и внутри ее имело место сосуществование различных этносов. Локализуется древнейший регион славянства этим ученым на среднем Дунае, где славяне контактировали с праиталиками и иллирийцами. Расселение кельтов заставило славян продвинуться к северу от Карпат.

Лингвист В. В. Мартынов развивает гипотезу о происхождении славян в результате взаимодействия нескольких этносов. Так, он полагает, начало славян имело место в междуречье Вислы и Одера в середине I тыс. до н.э. и археологически соответствует «разрушению» лужицкой культуры скифами. Носителями лужицкой культуры он считает протославянами, сформировавшимися в результате взаимодействия италиков с балтами. Славяне же сложились при взаимодействии протославян с иранцами.

Из топонимических работ последних лет интересным является исследование В. Удольфа, в котором он пытается обосновать прикарпатское происхождение славянства и наметить пути славянского расселения. В частности, в Новгородско-Псковские земли, согласно картам этого ученого, славяне мигрировали через земли Повисленья.

Ряд лингвистов склоняется к мысли о широкой славянской прародине, охватывающей Вислу, Одер, нижний Дунай, Карпаты, Днепр и Припятское Полесье. Вслед за лингвистами и некоторые археологи, в частности В. Гензель, полагают, что славяне с давних времен населяли пространство от Одера до Среднего Днепра и им принадлежали археологические культуры этой террито-

рии разных периодов, генетически не связанные между собой.

Противоречивые суждения по древнейшей истории славянства показатель активных поисков решения труднейшей проблемы их этногенеза. Вместе с тем, создается впечатление, что наука еще не готова к окончательному синтезу результатов, полученных различными специалистами. Это обусловлено тем, что данные различных наук не приведены специалистами в строгую систему. Так, в области археологии первостепенным является составление «Атласа раннесредневековых славянских древностей», которые охватили бы весь обширный славянский мир. Пока же исследователи оперируют разрозненными фактами, научно систематизированными лишь по отдельным более или менее крупным регионам.

Я. Я. Граудонис

КИВУТКАЛНСКИЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ

Кивуткалнский грунтовый могильник расположен в низовье Даугавы (Зап. Двины) на северном берегу о. Доле. Первые два труположения были открыты в 1966 г. при археологических раскопках Кивуткалнского укрепленного поселения под культурным слоем городища. Ямы вырыты в материке еще на глубину 0,60—0,70 м, т. е. около 2,70 м от древней поверхности.

Могильник, как и укрепленное поселение, занимал мыс, ограниченный староречьем Даугавы («Пижага») и ее рукавом. Вскрыто 240 погребений по обряду труположения и 21 погребение по обряду трупосожжения.

Выбор места для могильника на сухом, высоком, песчаном участке на берегу Даугавы (ныне староречье) аналогичен традиционному для первобытных скотоводов-земледельцев II—I тыс. до н.э. выбору места для поселений. Местоположение могильника соответствует и более позднему предоставлению о кладбище, которые в фольклоре латышей называются «smiltaine» (песчаное место), «smilsu kalnins» (песчаная горка). Выбор одинаковых по характеру мест для поселений и могильников указывает, по всей вероятности, на то, что в сознании людей существовали представления о сходстве «миров» живых и мертвых.

В могильнике для каждого покойника выкапывалась отдельная могильная яма. Глубина их составляла от 15 до 120 см. Ямы имели прямоугольную форму с закругленными концами, размеры их различны (детские — 100×40 см и более, взрослые — до 270×100 см). Такие же могильные ямы выкапывались и для части трупосожжений. Одинаковые по форме и размерам могильные ямы для труположений и трупосожжений обнаружены и на других грунтовых могильниках эпохи бронзы в Латвии, отмечены в Калининградской обл., в Швеции, в могильниках культуры воронковидных кубков Богемии и Моравии.

Своеобразным обычаем при подготовке мест захоронения была посыпка могильных ям белым песком. Эта традиция связана

с представлением о том, что могила — захоронение умершего — должна быть чистой и светлой. Подобное же явление выявлено на могильниках фатьяновской и среднеднепровской культур.

Красная охра, широко применявшаяся для посыпки погребений в каменном веке, в Кивуткалнском могильнике использована лишь в одном погребении. Такое редкое применение охры характерно для культуры шнуровой керамики Центральной Европы.

В устройстве могильных ям в Кивуткалнсе важную роль играла красная глина: слоем глины на высоту до 40—60 см покрыты стены могильных ям. Иногда захоронения покрывались глиной и сверху, но в ряде случаев глина имела только на дне могильных ям. Применение глины для устройства могильных ям или для покрытия погребений известно в могильниках фатьяновской культуры. Обложенные глиной колоды-гробы открыты в захоронениях унитецкой культуры в Центральной Европе.

В Кивуткалнсе важную роль при устройстве могильных ям играли различные каменные конструкции: в ямах камни складывали по одному или по несколько возле гробов у изголовья, в ногах, сбоку, по одну или по обе стороны, на концах могильных ям. Встречаются и более сложные конструкции. Каменные конструкции, сходные с Кивуткалнскими, обнаружены и в других могильниках эпохи бронзы на территории Латвии, в Ланкишском могильнике в БССР, в Дании (первая половина II тыс. до н.э.), в погребениях унитецкой культуры (Германия и Австрия), а также в памятниках среднегерманской культуры шнуровой керамики.

В Кивуткалнском могильнике впервые в Прибалтике открыты погребения эпохи бронзы в гробах-колодах. Удалось установить размеры гробовин, определить породу дерева, из которого изготовлены гробы, выяснить способы их изготовления. Подобные гробы в низовьях Вислы применялись уже в эпоху ранней бронзы, а в Швеции и Дании даже с эпохи неолита.

Существенным моментом погребального ритуала была ориентация могил. Из 236 могил, ориентация которых была установлена, 212 — лежали в направлении В-З. Возможно, что это подсказывалось культом солнца (покойники лежали головами к направлению восхода). Но не исключено, что выбор ориентации определялся направлением течения р. Даугавы (покойники положены параллельно течению реки головами к ее истокам).

Могильный инвентарь состоял из костяных булавок, янтарных бус и подвесок. В одном случае в гробу обнаружены лукошко и глиняный горшок с остатками пищи. В некоторых могилах обнаружены кости лошадей, крупного рогатого скота, свиньи и бобра.

По характеру могильного инвентаря и погребальных традиций Кивуткалнский могильник принадлежит к кругу памятников культуры шнуровой керамики. В этом могильнике в последней четверти II тыс. до н.э. были похоронены потомки носителей этой культуры, принадлежавшие к балтскому этническому массиву.

Т. Н. Джаксон, А. А. Молчанов

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ ТОПОНИМИИ ПУТИ «ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

Вопрос о происхождении и значении древнескандинавского названия Новгорода остается предметом оживленной научной дискуссии. Существуют четыре основные точки зрения по этому вопросу. *Hólmgarðr* понимают как: 1) «Ильменский город» («Ильмень» *Holm*), 2) «город на острове, островной город» (от *hólmr* — «остров»), 3) «поселения в островной (во время паводка на Волхове) местности», 4) «Холм-город (т. е. — укрепленное поселение Холм)» (учитывая существование древнего топонима ХЪЛМЪ — альтернативного обозначения Славенского конца в Новгороде).

Первое из этих толкований, по справедливому заключению Е. А. Рызевской, «неудовлетворительно прежде всего с фонетической точки зрения». Второе объяснение подразумевает возникновение и дальнейшее длительное использование древними скандинавами смешанного двуязычного топонима (поскольку вторая часть его несомненно восходит к др.-русс. ГОРОДЪ), что крайне маловероятно.

Авторство в отношении третьей версии теперь, почему-то, принято приписывать современному норвежскому слависту Б. Клейберу, хотя она была в ходу уже у историков XVIII—XIX вв. Правда, названный исследователь первым попытался подкрепить разделяемое им мнение ссылками на топографические данные, считая при этом, что «находники-варяги» попадали в Приильмень в период весеннего паводка. Свидетельства саг опровергают данный тезис. К тому же водный режим озера Ильмень с момента начального проникновения сюда скандинавов до наших дней значительно изменился. Последователям гипотезы Б. Клейбера, завоевавшей в последнее время некоторую популярность, так и не удалось подкрепить ее сколько-нибудь надежной лингвистической аргументацией.

Согласно четвертой точке зрения, высказанной впервые Е. А. Рызевской, в топониме *Hólmgarðr* заключено самое раннее название поселка приильменских славян у истока Волхова — «Холм-город». Лингвистические материалы подтверждают именно эту версию. Совокупный анализ топонимов *Garðar* (древнейшего скандинавского названия Руси) и *Hólmgarðr* показывает, что они образовались практически в одно и то же время (по всей вероятности, к концу IX в.). Поскольку вторая часть топонима *Hólmgarðr* воспроизводила местную топооснову, логичнее всего думать, что и первая часть данного композита не могла быть собственно скандинавской, а являлась транскрипцией древнерусского ХЪЛМЪ. Согласно такому ходу рассуждения, форма *Hólmgarðr* в момент своего возникновения представляла собой не что иное, как отра-

жение самоназвания некоего «Холмгорода» («укрепленного поселения Холм») — предшественника Новгорода.

Решающими при рассмотрении вопроса о происхождении и значении древнескандинавского наименования Новгорода должны несомненно оказаться данные, полученные при исследовании всего комплекса сложных топонимов на —*gardr*. В состав этого топонимического ряда входят *Hólmgardr*, *Koenugardr* и *Miklagardr* — названия трех главных пунктов на маршруте следования купеческих караванов и разного рода экспедиций по пути «из варяг в греки».

Можно считать твердо установленным, что прототипом для *Koenugardr* послужил *КЫЯНЪ-ГОРОДЪ — былинный вариант топонима КЫЕВЪ, восходящий к широко распространенному древнему наименованию Киева, бытовавшему в устной речи и вошедшему в лексикон русских эпических песен (его первый компонент образован как посессивная форма непосредственно от этникона КЫЯНЕ, неоднократно засвидетельствованного в летописях). Местный источник данной изоглоссы таким образом не вызывает сомнений.

Первая часть древнескандинавского топонима *Miklagardr*, обозначающего столицу Византийской империи — Константинополь, — возводится вполне основательно к прилагательному *mikill* («большой, великий»). Иногда в королевских сагах вместо композита *Miklagardr* синонимически употребляется его усеченный вариант *Gardr*. В обоих вариантах древнескандинавского названия Константинополя основу *gardr* — надо переводить как «город», что ясно указывает на влияние славянорусской топонимической традиции. Связь того и другого варианта рассматриваемого топонима — *Miklagardr* и *Gardr* — с обиходными греческими наименованиями византийской столицы — *basileuousa polis*, *basilis polis* («царственный город», «царица-город») и *polis* («город»), причем через древнерусское посредство (ср. ЦАРЬ-ГОРОДЪ, ЦАРЬ-ГРАДЪ со значением не только «царственный город», «город кесаря» и т. п., но также и «первенствующий, выдающийся, великий город», и просто ГРАДЪ в значении «Константинополь как город по преимуществу» в Начальной летописи), очевидна. Однако влияние прототипов здесь не сводится только к калькированию греческого и славяно-русского топонимических эквивалентов (сам принцип буквального перевода греческих названий столицы империи ромеев восходит к южно-славянской топонимической традиции). В данном случае мы вновь встречаемся с фонетическим употреблением. Дело в том, что наряду с приведенными выше синонимами Константинополя к числу наиболее употребительных у византийцев в IX в. (когда складывается путь «из варяг в греки») принадлежал термин *megalopolis*, *megale polis* («великий город»). С первой частью этого композита не мог не сближаться по созву-

чию тождественный ему по смыслу соответствующий элемент сложного топонима *Miklagardr*.

Таким образом, в оформлении обеих рассмотренных выше древнескандинавских лексем единого топонимического ряда — *Koenugardr* и *Miklagardr* — может быть прослежена одна общая тенденция к обязательному воспроизведению фонетического облика адекватных им иноязычных географических названий. Поскольку начало цепочки восточноевропейских топонимов на —*gardr* и ее первый информационный источник находились на берегах Волхова, то там же следует искать и первый импульс всей указанной тенденции. Следовательно, именно форма *Hólmgardr* послужила здесь исходной словообразовательной моделью и в ней должен был быть реализован, причем ранее всего (так сказать, «в первую голову»), принцип фонетического употребления (аналогичный принцип соблюдался древними скандинавами при передаче восточноевропейской топонимии достаточно регулярно). А значит, прототипом для древнескандинавского *Hólmgardr* мог послужить только приильменский *ХЪЛМЪ-ГОРОДЪ.

А. М. Спиридонов

«КАРЕЛЬСКИЕ» ИЗВЕСТИЯ СКАНДИНАВСКИХ САГ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ КРАЯ

Плодотворный анализ сообщений саг, извлечение исторически достоверного и ценного из них, могут быть достигнуты лишь на базе синтеза этих сообщений и наших исторических знаний. В данном сообщении рассматриваются некоторые сведения о кореле в сагах, переведенных на русский язык, надежность которых как источников уже обсуждалась применительно к русским или иным названиям.

«Хеймскрингла». В «Саге об Олаве Святом» говорится, что на тинге в Упсале (согласно восстанавливаемой абсолютной хронологии описываемых событий — в 1019 г.) лагман Торгнюр произносит речь, в которой говорится о покорении Эйриком, сыном Эмунда ряда земель на Востоке, в том числе и Кирьялаланда. Это свидетельство саги подробно рассматривала Т. Н. Джаксон. Исследовательница показала, что речь может идти не более как о разовых сборах даней, которые действительно могли иметь место в IX—X вв. наряду с викингскими набегами и торговыми сделками. При этом Т. Н. Джаксон опирается на комплекс сведений западных и русских источников об эстах и куршах. Мы не располагаем подобными сведениями о кореле и можем привлечь лишь археологические материалы. Данные археологии позволяют говорить о посещениях скандинавами Северо-Западного Приладожья. Этническая принадлежность некоторых погребений конца I — начала II тыс. н. э. может быть определена как скандинавская. Говоря о норманнских древностях на территории корелы, необходимо учитывать, что река Вуокса до XVI в. представляла собой

сквозную водную магистраль, шедшую через Карельский перешеек от Выборгского залива до современного Приозерска. Картографирование археологических памятников и ряд исторических данных свидетельствуют, что и в древнерусское и в новгородское время наряду с Невой для сообщения между Финским заливом и Ладожским озером использовался и путь по Вуоксе.

«*Фагрскинна*». Как сообщает этот свод саг, около 1016 г. ярл Свейн, сын Хакона Хладоярла, находясь в викингском походе на Востоке, осенью оказался в Кирьялаланде, откуда пошел в Гаргарики «с боевым щитом». «Хеймскрингла» описывает тот же поход ярла Свейна, но не упоминает Кирьялаланд, ограничиваясь штампом «на востоке в Гардарики», призванным заполнить недостаток сведений о локализации действия. Проведенный Т. Н. Джаксон анализ сообщений исландских королевских саг о «восточном пути» показал, что под этим термином имелись в виду земли поморских славян и Восточная Прибалтика, в частности — и Кирьялаланд, так что некоторые известия об экспедициях по «восточному пути» могут подразумевать посещение Северо-Западного Приладожья.

«*Сага об Эгиле*» говорит о столкновениях норвежцев, квенон, корелов и колбягов в Финмарке в конце IX в. Это известие подробно разобрано Э. Антони, доказавшим, что в IX в. перенесены события, происходившие много позднее. Сходные конфликты из-за лопарской дани рисует «Сага о Хаконе, сыне Хакона», записанная исландцем Стурлой Тордарсоном по свежим следам событий в 1264—1265 гг. «Сага об Эгиле» была записана между 1200 и 1230 гг., следовательно, описываемые в ней столкновения не могли происходить позднее конца XII — начала XIII вв. и эта сага является древнейшим письменным указанием на проникновение корелы в Финмарк. Начальные этапы этого проникновения документированы находками вещей XI в. северно-русского и карельского происхождения в лопарских жертвенных местах Северной Швеции и в кладах северных районов Финляндии (Куусамо) и Карелии (бывш. Кемский уезд).

«*Сага о Хальвдане, сыне Эйстена*» неоднократно упоминает Кирьялаботы (Финский залив). Время описываемых событий не определено. В одной из шведских рунических надписей XI в. Финский залив Балтики, возможно, назван Новгородским морем, так что название Кирьялаботы, вероятно, более позднее. Его фиксация в саге может быть связана с большой внешней активностью корелы в XII—XIII вв.

Т. Н. Джаксон, Г. В. Глазырина

БЪЯРМИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Как справедливо отметил один из крупнейших отечественных скандинавистов Ф. А. Браун, важность вопроса о Бьярмии очевидна: неправильное решение его может увлечь историческую эт-

нографию и археологию северо-восточной России на совершенно ложные пути».

Бьярмия с населяющими ее бьярмийцами не встречается ни в одном древнерусском памятнике, однако ее знает целый ряд скандинавских средневековых источников. Суммарно (по данным всех известий) этим топонимом обозначаются обширные территории севера Европейской части СССР, однако каждый источник (или группа источников), в силу традиции, говорит о своей Бьярмии в более узком значении.

Отечественная историография Бьярмии насчитывает более двух веков. Из просмотренных авторами доклада 106 работ историков XVIII—XX вв., писавших о Бьярмии, самая ранняя принадлежит академику Г. Ф. Миллеру (1760).

Несомненное влияние на русских историков XVIII—XIX вв. оказали сочинения скандинавских, финских и немецких ученых, а самой яркой фигурой в изучении Бьярмии оказался швед Ф. И. Страленберг (1730), чье отождествление Бьярмии и Перми было принято нашими историками как нечто не требующее доказательств. «Пермия, или Биармия» стала общим местом в отечественной литературе, начиная с «Древней Российской истории» М. В. Ломоносова (1766). Сторонниками этой точки зрения были М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев (1768), Ф. А. Эмин (1768), Н. П. Рычков (1772), М. Д. Чулков (1781), Н. Новиков (1791), А. К. Шторх (1800), А. Щекатов (1801), А. Л. Шлецер (1809), К. Молчанов (1813), Н. М. Карамзин (1816), О. И. Сенковский (1834), П. И. Мельников (1841), М. П. Погодин (1846), М. Михайлов (1850), П. С. Савельев (1847, 1852), Н. А. Рогов (1858), Н. И. Костомаров (1863), Д. А. Хвольсон (1869), Н. П. Барсов (1873), К. Попов (1874), Е. Огородников (1877), П. Полевой (1879), Е. Подосенов (1886), Е. Е. Замысловский (1887), Г. С. Лыткин (1889), Д. Н. Мамин-Сибиряк (1889), Н. П. Кондаков (1890), Ф. А. Теплоухов (1895). Названные авторы не являлись единомышленниками в вопросе о локализации Бьярмии: те из них, кто знали Бьярмаланд саг на реке Вине (Сев. Двине), вынуждены были принять этот момент во внимание, и их Бьярмия либо концентрировалась в нижнем течении Двины и Беломорье (Барсов, Попов), либо вырастала до невероятных размеров, с тем чтобы не оторваться от Беломорья, но и покрыть собой Пермскую губернию (Шлецер, Молчанов, Карамзин, Савельев, Рогов, Подосенов, Замысловский). Напротив, прямые последователи Страленберга высказали уверенность в том, что столицей Бьярмии была Чердынь, являвшаяся на определенном отрезке времени центром европейской и азиатской торговли (Рычков, Чулков, Новиков, Щекатов, Погодин, Костомаров, Хвольсон, Мамин-Сибиряк).

У сторонников отождествления Бьярмии и Перми постепенно образовались противники, которые, однако, начали наступление не от скандинавских источников, а от археологии Чердыни и ее окрестностей, доказывая, что специально пермских изделий среди

находок нет, а баснословные богатства Бьярмии — вымысел. Это — В. Берх (1821), Ал. Крупенин (1859), Д. И. Иловайский (1880), А. П. Иванов (1881), А. А. Дмитриев (1889), И. Н. Смирнов (1891).

В XX в. отождествление Бьярмии и Перми практически изжило себя. Лишь в работе А. Соболевского (1929) и комментариях М. И. Стеблин-Каменского к изданию «Круга Земного» (1980) бьярмы названы пермью древнерусских источников, а в работах К. Ф. Тиандера (1906), С. К. Кузнецова (1906) и В. В. Пименова (1965), напротив, вновь отрицается возможность подобного отождествления.

Два основных противоборствующих мнения в историографии Бьярмии XX в. — локализация Бьярмии на Кольском полуострове и помещение ее в Подвинье и Беломорье. К сторонникам первой точки зрения относятся С. К. Кузнецов, К. Козмин (1914), А. И. Лященко (1926), И. П. Шаскольский (1945), В. В. Мавродин (1954), М. И. Белов (1956), Е. А. Савельева (1973, 1983), К. Н. Вальдман (1973), В. И. Матузова (1979). Названные исследователи используют не весь комплекс древнескандинавских письменных источников, упоминающих Бьярмию, а лишь описание плавания Оттера и карты Олауса Магнуса, Меркатора и Ортелия. Историки, привлекающие к исследованию, наряду с названными источниками, сведения саг, локализуют Бьярмию в Подвинье и Беломорье. Это — К. Ф. Тиандер (1900, 1906, 1911), Г. Гебель (1910), А. Кааран (1910), И. П. Ануфриев (1918), А. И. Андреев (1922), А. Соболевский (1929), Е. А. Рыдзевская (1939), М. Б. Свердлов (1973).

Ряд исследователей XIX—XX вв. рассматривают Бьярмию как Карелию: В. Н. Татищев, А. Щекатов, и Е. Огородников говорят о двух Бьярмиях (Перми и Карелии), И. И. Лепехин (1805), В. Крохин (1907), В. Бернадский (1941) и С. С. Гадзяцкий (1941) — только о карельской Бьярмии.

Самым распространенным в последние десятилетия взглядом на Бьярмию является отождествление ее с Заволочьем, а бьярмов скандинавских источников — с заволоцкой чудью источников древнерусских. Эта точка зрения высказывалась и в XIX в. (А. Х. Лерберг, 1819; А. М. Шегрен, 1831; П. С. Ефименко, 1868; 1869; А. А. Дмитриев, 1889, 1890; Ф. А. Теплоухов, 1895), и в небольшой статье И. П. Ануфриева (1918), однако подлинным ее основателем можно считать крупнейшего советского лингвиста финно-угроведа Д. В. Бубриха (1947), убедительно показавшего, что в скандинавском *Vjarmaland* и в русском «Перемь», «Пермь» нашло отражение имя *Регамаа* — «Задняя земля, земля за рубежом», которым *весь* называла Заволочье. Сторонниками последнего мнения являются И. П. Шаскольский (1952, 1970), В. И. Лыткин (1953), В. В. Пименов (1965), В. Т. Пашуто (1968), Л. П. Лашук (1972), А. В. Куза (1975), В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев (1978). Этого же взгляда придерживаются и авторы настоящего доклада.

Я. Г. Риер

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДЕРЕВНЯ В АРХЕОЛОГИИ ПОЛЬШИ

Начиная с 1950-х годов в большинстве европейских стран активизировалось археологическое изучение памятников аграрной истории средневековья. К настоящему времени накоплен значительный материал и археология становится важным фактором в изучении истории сельского населения феодальной эпохи. Но фрагментарность добытых археологами данных в ряде случаев препятствует выработке однозначных выводов, что порой порождает скепсис представителей других дисциплин, изучающих указанную эпоху, прежде всего — историков.

В такой ситуации особо актуально сопоставить достижения археологов-аграрников из разных регионов и стран Европы, что позволит уточнить границы познавательных возможностей археологии, сопоставить различные методики и накопленный опыт в целом, а также выявить общие закономерности и местные особенности развития деревни сквозь призму археологического материала.

Интерес к археологическим аспектам аграрной истории обозначился в польской историографии с конца XIX в. Но в первой половине XX в. польские археологи, за редким исключением, не изучали эпоху раннего средневековья. Перелом наступил к середине 1950-х годов. Он был вызван переходом польской исторической науки на рельсы марксистской методологии с усилением интереса к экономическим и социальным процессам.

Работы польских археологов по изучению средневековой деревни в последние 30 лет условно можно разделить на несколько периодов. В первый период (вторая половина 1950-х годов) были определены цели и задачи исследований. Второй период (1960-е годы) характеризуется появлением обобщающих и методических работ, проведенных на основе расширения полевых исследований сельских поселений. Третий период (конец 1960-х — 1970-е годы) отмечен созданием ряда итоговых исследований, стремлением к выработке общей картины сельского расселения в раннем средневековье. Четвертый период (конец 1970-х — начало 1980-х годов) явился новым этапом региональных и обобщающих работ на более широкой источниковедческой и методической основах. Наибольшее внимание польские археологи уделяли изучению проблем расселения, истории поселений в их связи с окружающей средой и динамикой социально-экономических и политических отношений. Для обобщающих работ характерно привлечение природоведческих, лингвистических и письменных материалов.

Проведенные исследования позволили наметить этапы развития сельских поселений в условиях становления феодальных отношений и экологических изменений. Первый этап (вторая половина I тыс. н. э.) — континуитет предшествующего долинного типа расселения в условиях относительно низкого уровня грунтовых вод. Характер размещения и размера поселений обуславливались также

состоянием хозяйства, начавшимся разложением родового строя и формированием территориальных общин, которые концентрировались в более крупные объединения. Второй этап (середина X—XIII вв.) — активное расселение на водоразделах, освоение новых хозяйственных ареалов (внутренняя колонизация) в условиях повышения уровня воды, хозяйственного прогресса, активного процесса феодализации и разложения общин. Третий этап (вторая половина XIII — середина XV в.) — стабилизация сети расселения, обусловленная прежде всего укреплением феодальных вотчин и активным закабалением крестьянства.

Р. М. Гаряев

МЕТРОЛОГИЯ, КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

В последние годы в исследованиях памятников древнерусского зодчества все активнее используется метрология. П. А. Раппорт разработал метод датировки памятников по формату кирпича (плинфы), который, как оказалось, находится в определенном соответствии со временем строительства. Исследователь создал на памятниках Смоленска надежную датирующую шкалу. Аналогичную работу по памятникам Новгорода проделал Г. М. Штендер, а дополнил и развил шкалу Штендера П. А. Раппорт.

Следующий шаг на пути использования метрологии в архитектурных исследованиях — переход от формата кирпича к «формату» здания и его отдельных частей. Определенным препятствием разработки этой методики является необоснованное преувеличение роли «золотых пропорций», всевозможных математических рядов и построений применительно к памятникам древнерусского зодчества, в основе которых чаще всего лежат простые модульные отношения с мерами длины в качестве исходной единицы. Именно по этой причине использование методов метрологии пока еще недостаточно продуктивно.

Приведем некоторые примеры. Многие годы историков архитектуры интересовала проблема галерей новгородского Софийского собора. Было неясно, одновременны они с самим храмом или возведены позже? Выдвигались различные гипотезы первоначального облика храма (А. М. Павлинов, Н. И. Брунов). Лишь исследования Г. М. Штендера, выявившего перевязку кладок основного здания с галереей, позволило говорить об их синхронности. К такому же выводу привел и метрологический анализ. Оказалось, что длина продольных, поперечных сторон храма и диагонали, взятых вместе с галереями, дают соотношение 3:4:5 (пропорции египетского треугольника). А поскольку последний использовался для получения прямого угла, то, естественно, возникает убежденность в одновременной закладке храма и галерей,

поскольку диагональ при уже построенном храме проложена быть не могла. И сам объем храма не имеет таких пропорций.

Проведенный анализ интереснейших «итоговых» результатов известной работы К. Н. Афанасьева — соотношений внешних габаритов 54 храмов раннего средневековья — показал, что они дают выраженную корреляцию с региональными школами: киево-черниговской, владими́ро-суздальской и др. Соотношение 3:4 четко прослеживается во владими́ро-суздальской школе, а 2:3 типично для киевского региона. Известно свидетельство киево-печерского Патерика о разбивке Великой Успенской церкви в 1073 г. в соотношении сторон 20:30, но пропорция 2:3 появилась здесь еще раньше — в Десятинной церкви (989 г.), Софийском соборе (1037 г.), храмах Георгия (1037 г.), Ирины (1037 г.), соборе Михайловского Златоверхого монастыря (1060 г.). Такое соотношение стало в этом регионе традиционным с конца X в. Лишь в первой половине XII столетия здесь появляется соотношение 3:4 — в храмах Успения Богородицы Пирогощей в Киеве (1131 г.) и Георгиевского собора в Каневе (1144 г.). Самая ранняя каменная постройка владими́ро-суздальской земли, где господствовала пропорция 4:5 (влияние фиксируемых исследователями германской галицкой или армянской школ?) — собор Рождества Богородицы (1096 г.), возведенный Владимиром Мономахом по образцу киевской Великой Успенской церкви, имеет киевскую пропорцию 2:3.

В Новгороде, соборы Николо-Дворищенский (1113 г.), Рождественский (1117 г.) и Георгиевский (1119 г.), приписываемые мастеру Петру, были заложены в одной пропорциональной системе — 2:3. Позже здесь появляется соотношение 3:4 — ц. Петра и Павла на Синичьей горе (1185 г.) Кирилловской (1196 г.), Спаса на Нередице (1198 г.).

Другой, как показали первые опыты, весьма продуктивный путь — это исследование геометрических, конструктивных, композиционных и декоративных аномалий, т. е. нарушений «правильности». Выполненный с применением ЭВМ статистический анализ геометрических аномалий 112 памятников культовой архитектуры Москвы, Новгорода и Суздаля XI-XIX вв. выявил на фоне множества неясных причин выраженные признаки органичного учета зодчими в архитектонике сооружений внешних и внутренних функциональных, эстетических, идеологических факторов, — природных и градостроительных. Наиболее «аномальным», подвижным элементом памятников оказались окна, а наиболее активным «влияющим» на них фактором — солнце.

О. А. Кондратьева

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОДНОСТОРОННИХ НАБОРНЫХ ГРЕБНЕЙ

На основании изысканий советских (Д. Н. Эдинг, О. И. Давидан) и зарубежных (Е. Цнотливый, И. Ульбрихт, К. Амброзиани

и др.) исследователей можно представить процесс производства односторонних наборных гребней VIII—XI вв. Установлена следующая очередность операций: 1) выпиливание заготовки для накладок и зубчатых пластин; 2) обработка накладок; 3) нанесение на них орнамента; 4) сборка гребня; 5) прорезка зубьев; 6) художественная раскраска, прослеженная у отдельных экземпляров. Порядок изготовления и установление последовательных этапов этого процесса в мастерских, расположенных в разных частях средневековой Европы, определяло устройство изделий, состоящих из определенных элементов.

В качестве исходного сырья косторезы Древней Руси использовали чаще всего рог лося или оленя. Лосиные рога, в силу специфики своей структуры оставляющие меньше отходов, чем олени, были более экономичными в работе. Спорадически, по-видимому, для изготовления гребней могли употребляться рога и кости домашних животных, как это делалось, например, в западноевропейских средневековых городах времени викингов (К. Амброзиани).

После выбора соответствующего куска рога от него отрезали необходимой длины заготовки. От полученных заготовок отпиливали пластины для деталей будущего гребня. Отпиливание этих пластин осуществлялось вдоль волокон рога, путем последовательного отделения их от заготовок. Обработка накладок рассматривается исследователями как наиболее трудоемкая среди операций, связанных с изготовлением гребней.

Для изготовления накладок каждый отросток рога резался на четыре части. Материалы раскопок некоторых польских городов IX—XI вв. показали, что местные косторезы при изготовлении накладок занимались выпрямлением пластин заготовок под грузом между досками. Подобный способ выравнивания роговых пластин при помощи деревянных брусков-прокладок, на которые действует груз, сохранялся долго и подтверждается отечественным этнографическим материалом.

Трудность изготовления накладок заключалась в том, что эти детали должны были иметь строго определенную форму и сечение, быть одинаковыми и симметричными. Эти условия могли соблюдаться только в том случае, если будущие накладки обрабатывались скрепленными попарно. Накладки-заготовки, скрепленные временными деревянными штифтами, обнаружены в Хедебю (Янкун Н.). Парные накладки с зеркально точно просверленными отверстиями на концах для соединения изделий при дальнейшей обработке имеются среди находок на старолadoжском городище (Давидан О. И.).

Накладки, как свидетельствуют польские материалы, подбирались друг к другу с особой точностью в VII—XI вв., позднее (особенно в XIII—XIV вв.) такая аккуратность не прослежена. В X и XI вв. посредством выбора соответствующего профиля изделий пробовали облегчить и ускорить изготовление накладок (Е. Цнотливый).

Подобренные друг к другу накладки подвергались отделочным работам, стоящим из чистки поверхности сначала рашпилем, а потом полирования мехом и кожей, пропитанной жиром. Затем на них наносился узор. Орнаментирование накладок производилось до сборки гребня. После того, как накладки уже украшены узором, временные штифты убирались. И только после этого вставлялись зубчатые пластины.

Зубчатые пластины, как и накладки, также подвергались дополнительной обработке до сборки гребня. Для них выбирались прямые участки рога. При этом избегали частей, в которых рога разветвляются (И. Ульбрихт). Отрезались заготовки, имеющие форму цилиндров и из них уже выпиливались необходимые пластины. Работа выполнялась на размягченном сырье (Е. Цнотливый), но ряд исследователей (И. Ульбрихт, К. Амброзиани) оспаривают это положение. Обработка зубчатых пластин заключалась в придании им необходимой формы и длины, поверхность пластин тщательно сглаживалась рашпилем.

Имея готовые накладки и зубчатые пластины, приступали к монтажу гребня. Количество зубчатых пластин изменялось в зависимости от длины гребня и длины самих пластинок, но, как показывают исследования, было не менее 6 пластин. Монтаж начинали с соединения крайних пластинок с обкладками, а затем подгоняли оставшиеся пластины, тесно укладывая их между крайними и укорачивая слишком длинные. Затем гребенщики сверлили отверстия для заклепок. При этом использовались сверла диаметром 0,15—0,2 см (Старая Ладога и другие древнерусские города), 0,2—0,3 см (Поморье). Нарезку зубьев всегда производили после монтажа и опиловки поверхности пластины рашпилем. Зубьям придавали клинообразный профиль. Их вырезали не одинаковой длины: в средней части гребня зубья делались длиннее, а на концах — короче. Оконечность зубцов заострялась. При вырезании зубьев использовались тонкие пилы с разной шириной щелей для разных видов односторонних наборных гребней (Старая Ладога).

Заключительной операцией могла быть художественная раскраска изделия. Употребление краски при заполнении бороздок орнамента зафиксировано в Старой Ладоге, Гнездовских курганах, а за пределами Древней Руси — в Хедебю.

Производство односторонних наборных гребней требовало владения сложным набором инструментов от простого топора до целого набора пил и сверл, разнообразных резцов, разной конструкции инструментов для выполнения циркульного орнамента.

Остатки заготовок, инструментов, отходов производства найдены в Старой Ладоге, Новгороде, Пскове, многих белорусских городах, Киеве. Они позволяют установить, что в Северной (а, может быть, и в Южной) Руси было развито гребнеделательное ремесло. Мастерские упомянутых выше городов обслуживали на-

селение своего города и округи. В некоторых случаях гребни вывозились в другие районы.

Все эти наблюдения с очевидностью устанавливают, что собственное производство гребней на Руси возникло не позднее IX—X вв.

ПСКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1985 г.

В. В. Седов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ ПСКОВА

Среди археологических раскопок, производимых на новостройках Европейской части СССР, исследования культурных отложений в древнерусских городах являются наиболее трудоемкими. Толщина культурных напластований в них обычно исчисляется метрами. Сложная структура слоя, нарушения, связанные с интенсивной жизнью в XVII—XVIII вв., а также современная застройка усложняют производство археологических изысканий.

Одной из экспедиций, ведущих масштабные работы на новостройках древних городов, является Псковская. Она организована совместно Институтом археологии АН СССР и Псковским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником.

Толщина культурного слоя в центральной части древнего Пскова достигает 3—6 м, а на периферии 1—2 м. Слой древнего города является исключительно информативным источником по истории и культуре его, а в отдельных вопросах единственным свидетелем прошлого. Всякая строительная деятельность без участия археологов в зонах распространения культурного слоя запрещена.

Осуществляя археологическую службу в Пскове, экспедиция ведет свою деятельность в нескольких направлениях. Первостепенным является проведение научных раскопок во всех без исключения местах, где планируется новое строительство. Объем этих работ слишком велик. В 1984 г. в четырех различных местах исследовалась площадь свыше 3000 кв. м, в 1985 г. — в шести пунктах изучалась площадь около 6600 кв. м. Несколько заявок застройщиков экспедиция не смогла удовлетворить. Археологические исследования не успевают за строительными работами. Настала пора поставить вопрос о некотором ограничении строительной деятельности в зонах культурных напластований древнерусских городов. Представляется целесообразным не застраивать эти зоны, а занимать зелеными зонами — разбивать газоны, засаживать декоративным кустарником и т. п.

Вторым направлением работы экспедиции является создание

детальной карты распространения культурных напластований древнего Пскова со всеми характеристиками их, определением толщины, сохранности, научной значимости и т. п. Деятельность в этом направлении начата совсем недавно. Предстоит изучить, систематизировать и научно осмыслить данные геологического бурения, производимого в сотнях точек, результаты шурфов и наблюдений за земляными работами, когда-либо производимыми. Затем полученные результаты сопоставить со сведениями исторических источников. Создание карты культурного слоя Пскова даёт возможность планировать дальнейшие археологические раскопки, регулировать планирование новых строительных работ и т. п.

Весьма существенным в деятельности Псковской экспедиции является введение в научный оборот материалов и результатов раскопочных работ. Исследование нельзя считать завершённым, пока результаты его не будут опубликованы и станут достоянием науки и всех тех, кто в той или иной степени интересуется историей и культурой Руси. Большие средства, вкладываемые в археологические изыскания на новостройках настоятельно требуют скорейшей научной «отдачи», оперативной научной информации о всех результатах экспедиционных работ. Любая задержка научной информации отрицательно сказывается на развитии исторической науки.

Важным моментом деятельности Псковской экспедиции является создание картотеки вещевых находок — первый этап сбора и систематизации обширнейшей коллекции из многолетних раскопок в Пскове.

Как отмечено выше, в 1985 г. Псковская экспедиция провела охранные раскопки в шести местах, отведенных под современное строительство. Наиболее крупные исследования велись на ул. Ленина близ педагогического института в пределах границ городских укреплений 1309 г. Общая раскопанная площадь 2978 кв. м. Вместе с раскопами прежних лет (1976, 1978, 1981, 1982 гг.) изученный здесь участок приблизился к 0,5 га. Такая большая площадь при хорошей сохранности средневековых культурных отложений позволит обстоятельно проследить планировку и застройку центра древнего Пскова и топографию нижележащего городского некрополя.

Исследуемая площадь была поделена на 5 раскопов, которыми руководили О. К. Волочкова (раскоп V), В. В. Седов (раскоп VI), В. И. Кильдюшевский (раскоп VII), И. О. Колосова и Б. Н. Харлашов (раскоп VIII), Н. Н. Фараджева (раскоп IX).

В Окольном городе Пскова на Полонище работы велись на Лужском (руководители А. Е. Мануйлов и Н. А. Лобанов), Петровском-2 (Т. Ю. Закурина) и Покровском (Б. Н. Харлашов) раскопах.

Еще два раскопа находились в Запсковье-Ильинском (руководитель К. М. Плоткин) и Богоявленском-2 (С. В. Белецкий).

Количество вещевых находок при раскопках достигает 2500.

Лабораторию камеральной обработки коллекции возглавлял А. А. Александров, работу по чертежной документации — И. К. Лабутина и Т. Е. Ершова.

Руководил экспедицией автор настоящих строк. Его заместителями были И. К. Лабутина и К. М. Плоткин.

О. К. Волочкова, В. И. Кильдюшевский, И. О. Колосова, В. В. Седов, Н. Н. Фараджева, Б. Н. Харлашов

РАСКОПКИ НА УЛ. ЛЕНИНА

Мощность культурного слоя колебалась от 2 до 5 м, причем средневековый слой с остатками жилой застройки имел толщину от 1 до 3,5 м. На раскопах V—VII и IX исследовались нижние горизонты слоя, поскольку работы здесь были начаты в 1983 или 1984 гг. На раскопе VIII за один сезон была пройдена вся толща культурных напластований.

Изучена улица, раскрытая раскопками на протяжении 46 м и проходившая в северо-западном направлении в сторону Торга. Улица эта обозначена на плане Пскова 1740 г., следовательно, она существовала длительное время, но название ее неизвестно.

Раскопками вскрыты остатки 6 ярусов замощения улиц. Установлено, что в начальный период ее существования (XI—XII вв.) регулярного замощения не было, но трасса улицы соблюдалась, не была застроена.

Устройство уличного замощения аналогично мостовым других древнерусских городов — на две-три бревенчатые лаги клались поперек плахи из полубревен. Ширина мостовой около 3—4 м.

В культурном слое открыты и изучены десятки срубных и столбовых построек разного назначения, дворовые настилы, частоколы, разграничивающие усадьбы, дренажные сооружения. В целом все сооружения распределены по 13 ярусам застройки.

Все жилые постройки срубные, рублены в обло. Под стены и углы срубов обычно подкладывались обрубки бревен или плах, иногда валуны или известняковые плиты. В некоторых жилищах прослежены остатки полов из плах или толстых досок.

Постройки, как правило, невелики по размерам, длина их сторон не превышает 3—4 м. Но есть и немало исключений. Так, сруб 3 раскопа VIII, относящийся к ярусу 8, имел стену около 6,5 м. На раскопе IX исследована постройка размерами 5,9×4,1 м. В северо-западном углу ее, напротив входа находилась глиняная печь на столбовом опечке размерами 1,5×1,5 м. Другая подобная по размерам постройка раскопа IX была двухкамерной. Она дошла до нас на высоту трех венцов. Бревенчатые переводины пола были врублены в стены сруба на уровне второго венца способом сквозной врубки. Концы переводин опирались на жерди, уложенные параллельно стенам дома на некотором удалении от них

(возможно, это части конструкции завалинки). Дата постройки — конец XIII в.

Печи жилых построек двух типов. Наиболее распространенными были печи-каменки. Их ставили на опечки, подобные глиняным печам, или непосредственно на грунт. В последнем случае в основаниях печей клались более крупные плитняковые камни или валуны.

Несомненный интерес представляют исследованные раскопками колодцы, дренажные трубы и хозяйственные сооружения столбовой конструкции.

В восточной части раскопа IX выявлен древний овраг, по дну которого протекал ручей. Ширина оврага 4 м, глубина — около 2 м. В его заполнении найдены вещевые находки XII—XIII вв. Овраг был засыпан в конце XIII — начале XIV вв.

Количество вещевых находок 1985 г. превышает 2 тысячи. Среди них широко представлены разнообразные изделия из железа, в том числе орудия труда (топоры, тесла, сверла, наральник, серпы, коса, ножи и др.), бытовые вещи (ключи, замки, светцы, кресала, дверные пробойники), предметы вооружения и конского снаряжения (боевой топор XIV в., наконечники стрел, удила, шпоры). Коллекцию изделий из цветных металлов составляют браслеты и перстни, височное кольцо, булавки, пряжки и др. Наиболее интересными среди них являются булавки, одна с зооморфной головкой, имеющая параллели в скандинавских древностях, вторая — звездчатая с загнутым концом.

В раскопе IX в. найдена серебряная подвеска «молоточек Тора» с изображением якоря (?).

Особый интерес представляет группа бронзовых ажурных накладок с сюжетными изображениями. На одной из них помещен гуслик, играющий на шлемовидных гуслих, и две предстоящие фигуры. На другой накладке изображены музыкант и слушающая его женщина, на третьей — геральдический зверь и др. Накладки обнаружены в слое XV—XVI вв. По сюжетам и стилю изображения перекликаются с книжной миниатюрой XIV—XV вв.

Предметы из камня представлены литейными формами для отливки ювелирных изделий, рыболовными грузилами, точильными брусками. Весьма многочисленны изделия из дерева — ковши, лопаты, обломки посуды, изготовленной на токарном станке, клепки кадушек и т. д. Довольно часты берестяные туеса. Очень много остатков кожи, среди них есть поршни, туфли, ножны, кошельки. Изделия из кости представлены трапециевидными гребнями, рукоятками ножей, в том числе орнаментированные, пряслице, шахматная фигурка. Изделий из стекла сравнительно немного (бусы, фрагменты браслетов). Глиняные предметы представлены фрагментами изразцов и киотов. Встречены фрагменты рейнской посуды.

В слое конца XII — начала XIII в. обнаружена часть круглой крышки туеса из бересты с расположенными по окружности и по-

мещенными в кружки буквами Д, Е, З («земля»), У (лигатура), И, О, З («земля»), Е, Д. В центре крышки прочерчен круг большого диаметра. Кружки вокруг букв могут означать принадлежность к разряду десятков тысяч либо служить орнаментом. Смысл надписи пока неясен, он мог быть математическим, календарным или игровым.

Пополнилась коллекция псковских вислых печатей. В раскопе VIII их обнаружено три. Две из них — известные троицкие печати, т. е. государственные печати Пскова, которыми скрепляли документы международного значения от имени вече. На лицевой стороне их надписи: «Печать троицкая» и «Печать св. Троицы», на оборотной — изображение богородицы «Знамение». Датируются эти печати XV в. Третья печать из раскопа VIII — владычная, псковского типа, датируется XIV в. На лицевой стороне изображен крест на подножье, на оборотной — богородица «Знамение» в рост. Из слоя XII в. в раскопе VII происходит домонгольская княжеская печать. На лицевой стороне ее изображен святитель с кодексом в левой руке, правая у груди. Имя не читается. На оборотной — святой на престоле, имя обрублено.

Под культурным слоем в раскопах изучались остатки городского некрополя Пскова X — начала XI в. Выявлено свыше 20 захоронений, все по способу трупосожжения. Преобладает обряд сожжения на стороне с помещением останков в неглубокую подкурганную ямку (в урне или без нее). Основная часть погребений безынвентарная, есть и малоинвентарные. Так, в урне захоронения 40 найдены ошлакованные фрагменты синих и желтых стеклянных бус, в погребении 46 обнаружена кольцевидная булавка. В одной из погребальных урн в раскопе VIII лежали пружинные ножницы, а среди кальцинированных костей находились фрагменты накладок от одностороннего костяного гребня.

Все погребальные урны за исключением одной — гончарные горшки X — начала XI в. с богатой орнаментацией. Некоторые из них по форме и орнаментации сопоставимы с фельбергской керамикой междуречья нижних течений Эльбы и Одера. В трех погребениях псковского некрополя урны были накрыты известняковыми плитами, в одном — фрагментами глиняного сосуда.

Б. Н. Харлашов

РАСКОПКИ НА УЛ. КАЛИНИНА

Раскоп площадью 880 кв. м располагался в глубине квартала, ограниченного улицами Калинина, Свердлова, К. Либкнехта и Красных Просвещенцев. Исследуемый участок находился неподалеку от Покровской башни и Покровских ворот Пскова, поэтому раскоп получил название Покровского.

По письменным источникам время освоения участка точно не определяется. В 1465 г. вокруг Полонища (топоним впервые упо-

треблен псковскими летописцами под 1323 годом) была сооружена деревянная стена. В конце XV — первой половине XVI в. возводятся каменные укрепления. Строительство укреплений обезопасило этот участок Полонища и способствовало его активному освоению. В XVI в. участок раскопа входил в состав Полоницкого конца.

Раскопки 1985 г. показали, что мощность культурных напластований здесь составляет 0,8—1,3 м от уровня дневной поверхности. Культурный слой супесчаный, сухой, содержащий большое количество мелких известняковых камней и щебня. Дерево в слое сохраняется только в обугленном состоянии. Под культурным слоем — материковая скала, а на некоторых пониженных участках — плотная, вязкая, красно-желтая материковая глина.

Верхний балластный слой, относящийся к XVIII—XX вв., снимался с помощью бульдозера, ручная разборка была начата с уровня пятого пласта.

Выяснилось, что в XIX—XX вв. интенсивное строительство на участке раскопа не велось. Открыто только 3 фундамента домов, относящихся к этому времени. Один из них совпадает с постройкой, обозначенной на плане 1857 г. И. Ф. Годовикова. Согласно плану остальная территория раскопа была занята огородами. Культурный слой более раннего времени, в виду его малой мощности, оказался почти на всю глубину потревоженным распашкой и небольшими земляными работами при устройстве усадеб. На уровне 5—6 пластов, также как и при зачистке материка, преобладают находки, относящиеся к XVII—XVIII вв.

Единственным хорошо сохранившимся участком является территория, занятая уличной вымосткой, которая обнаружена в юго-западной части раскопа. Уличная вымостка представляет собой слой известнякового щебня толщиной до 0,15 м, тянущийся полосой до 3,5 м шириной. Протяженность прослеженного по щебню участка улицы 25 м.

При разборке вымостки выяснилось, что она имеет 2 хронологически различающихся яруса. Функционирование верхнего яруса по находкам медных монет относится к первой половине — середине XVIII в. Верхний и нижний ярусы разделены земляной 5—10-сантиметровой прослойкой, в которой найдены фрагменты сероглиняной неполивной керамики XVI—XVII вв.

Нижний ярус вымостки имеет меньшую мощность (до 10 см) при той же ширине. Под ним — предматериковый глинистый слой, содержащий фрагменты керамики XV — начала XVI вв. Время существования нижнего яруса вымостки может быть определено по слою пожара, перекрывающего ее. При исследовании последнего найдены фрагменты гончарной керамики XVI—XVII вв., железный серп и палаш с обломанным концом клинка.

Сравнение плана открытой в раскопе вымостки с планом Псковской крепости 1740 г. показало, что раскопками выявлена улица, ведущая к небольшим воротам севернее Покровских. Судя

по плану, улицу пересекают 2 небольших уличных проезда. Не исключено, что один из них в раскопе обозначают неправильной формы скопления щебня.

Мощение улицы, вероятно, следует считать началом активного освоения участка под жилую застройку. В XVII—XVIII вв. по обе стороны улицы, на некотором удалении стояли дома, фиксируемые археологически по вырубленным в материковом плитняке подвальные ямы. В раскопе их восемь. Размеры ям от 4×4 до 6×3 м, глубина достигает 1,9 м. Для спуска в подвалы в известняке вырезались ступеньки.

Среди находок в заполнении подвальных ям — большое количество обломков глиняной поливной и неполивной посуды XVII—XVIII вв., фрагменты зеленополивных фляг, орнаментированных дуговых кирпичей и изразцов, ножи, серпы, железные подковки, скобель, пряжки, железные булавки, долото и т. д. Невелико количество изделий из цветных металлов. К ним относятся бронзовый печатный перстень со стеклянной вставкой, бронзовая застежка для книжного переплета. Среди находок того же времени медная монета с изображением Людовика XIII.

Небольшая часть материковых ям содержит материал более раннего времени. В восточной части раскопа одна из ям представляет собой устроенный в скале канал длиной 5,5 м и шириной 0,8—1 м, его глубина 0,25—0,48 м, дно слегка наклонено. По обе стороны канала, на одной линии, находятся столбовые ямы диаметрами 0,75, 0,55 и 0,8 м. В верхней части заполнения канала был обнаружен углистый слой, содержащий большое количество железного шлака и криц, которые встречаются в заполнении до самого дна. Керамические находки представлены формами горшков, аналогичными тем, которые найдены в предматериковом слое под уличной вымосткой. Конструкция ямы, ее заполнение, а также распространение шлака и криц по всей восточной части раскопа дают возможность предполагать, что до начала интенсивной застройки участка, на нем жили ремесленники, занятые железодельным производством. В предматериковом слое здесь же найдены железный кинжал, наконечник стрелы и железное калачевидное кресало.

О первоначальном заселении участка ремесленниками, производственная деятельность которых была связана с повышенной пожарной опасностью, свидетельствует открытие в западной части раскопа ямы, заполненной углистым слоем с большим количеством бронзового шлака. Часть ямы нарушена подвалом дома XIX в. Видимые ее размеры 2×0,8 м, глубина 1,05 м. Присутствие бронзолитейного производства на участке подтверждается многочисленными находками фрагментов глиняных тиглей, на одном из которых осталась накипь бронзы, и литейной формочки.

Уточнить начальную дату заселения этой части Полонища, основываясь на материалах раскопок, пока не представляется возможным, однако совершенно очевидно, что во второй половине

XV и в XVI в. на Полонище близ Покровской башни жили ремесленники, занимавшиеся железоделательным и бронзолитейным производством. Это подтверждается и данными псковских летописей, в которых именно в западной части Полонища, близ р. Великой, неоднократно упоминается Кузнечная улица.

Впоследствии на этой окраинной территории развивается усадебная застройка, позволяющая в черте города заниматься сельским хозяйством. Проведенный анализ остеологического материала показал, что среди костных останков, основная часть которых происходит из подвалов XVII—XVIII вв., преобладают кости крупного рогатого скота (86,8%), кости мелкого рогатого скота составляют 5,3%, свиньи — 7%, лошади — 0,9% (остеологический материал обработан В. П. Данильченко). Такое соотношение характерно скорее для сельской округи, чем для города с развитым ремесленным производством.

Т. Ю. Закурина

РАСКОП ПЕТРОВСКИЙ-2

Раскоп Петровский-2 заложен в пределах пятна застройки административного здания Псковской фабрики чулочных и медицинских изделий. Расположен раскоп на ул. К. Маркса вблизи Петровских ворот стены Окольного города. Площадь его составила 284 кв. м.

После снятия балластных отложений оказалось, что мощность культурного слоя здесь колеблется от 60 до 140 см. На большей части площади раскопа он оказался потревоженным перекопами, в результате прокладки труб и постройки хозяйственных сооружений в позднее время. Относительно нетронутой оказалась часть участка в юго-восточной части раскопа приблизительно площадью 32 кв. м. Культурный слой на этом участке, начиная с восьмого пласта, имел однородную структуру, черный или темно-коричневый цвет, он рыхлый, с включением древесного тлена, углей, золы. Этот участок дал наибольшее количество находок, которые можно датировать XVII в.

В ходе работ были вскрыты остатки известняковых фундаментов двух построек. Постройка 1, прямоугольная в плане, сложена из известняковых плит «насухо», сохранился только самый нижний ряд кладки. От постройки 2 вскрыт только угол кладки, основная ее часть находится за пределами раскопа. Сложена она из крупных известняковых плит на глиняном растворе.

Кроме того были изучены остатки четырех деревянных срубов. При исследовании сруба 3 были найдены фрагменты изразцов, лемеха, керамики XVII и XVIII вв.

Наиболее массовым вещевым материалом на раскопе были фрагменты поливной и неполивной керамики. Датировка их колеблется в пределах от XVII до XX вв. Кроме того довольно мно-

гочисленными были изделия из железа (обувные подковы, ножи, ключи и пр.), глины (фрагменты изразцов, киотов, грузила), фрагменты оконного стекла, ружейные кремни.

В ходе работ на раскопе Петровском-2 были исследованы захоронения, по-видимому, относящиеся к кладбищу, которое существовало вблизи ц. Иоанна Милостивого, сгоревшей по данным Н. Ф. Окулич-Казарина во время пожара 1788 г.

С. В. Белецкий

РАСКОП БОГОЯВЛЕНСКИЙ-2

После перерыва продолжены исследования на Богоявленском раскопе в Запсковье, в квартале между улицами Школьной, Труда и Волкова. Раскоп, заложенный на участке строительства клуба-библиотеки Псковского отделения ВОС, имеет площадь 1600 кв. м (включая раскоп 1980 г.), мощность слоя 0,8—1,2 м.

Верхние 0,4—0,6 м слои современного города были сняты при помощи землеройной техники. Нижележащие отложения исследовались вручную. Культурный слой раскопа сильно нарушен поздними перекопами, часть которых «снивелирована» распашкой под огорода XVIII—XIX вв. Только в южной части раскопа выявлен сравнительно нетронутой слой.

Культурные напластования практически лишены средневековых объектов. Только в юго-западной части раскопа на протяжении нескольких десятков метров прослежена щебеночная мостовая улица XVII—XVIII вв. (ул. Мощенка), а в центральной части раскопа выявлено большое пятно прокаленной почвы, сопоставляемое с одним из пожаров конца XV — начала XVI в., известных по псковским летописям.

Топография таких массовых категорий находок, как конские подковы и обувные подковки показала, что они распространены прежде всего узкой (3—4 м) полосой, тянущейся с севера на юг и соответствующей направлению мостовой ул. Мощенки. Вторая «полоса находок подков» имеет перпендикулярное направление с востока на запад и, возможно, фиксирует перекресток двух улиц. Судя по данным плана 1740 г., вторая улица может быть отождествлена с Толокнянкой, небольшой участок которой исследован ранее в Толокнянском раскопе 1983 г.

Собранная коллекция керамики и вещевых находок датируется в пределах XII—XVII вв. Наиболее интересная находка в раскопе — заготовка для актовой печати. По типу и массивности она может быть датирована XV в., возможно, — второй половиной столетия.

В. Д. Белецкий

ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Экспедицией Гос. Эрмитажа продолжены работы на территории Псковского Кремля. Исследован небольшой участок куль-

турного слоя, сохранившегося на краю площадки городища за пределами западной крепостной стены. Мощность отложений до 0,6 м, слой интенсивно черного цвета, с примесью угля. Стратиграфически он не расчленяется. В нижней части отложений найдены фрагменты лепной керамики конца I тыс. н. э. Верхняя часть слоя содержала наряду с лепной также круговую керамику X—XI вв. По-видимому, слой прекратил формироваться не позднее конца XI — начала XII вв. С этим временем следует связывать появление постоянной крепостной стены вдоль западного края площадки Псковского городища.

В Довмонтовом Городе продолжались раскопки древней дороги, ведущей вдоль восточной группы храмов к Великим воротам. Исследовался ее южный участок в районе Святых ворот Довмонта Города и малого захоба, выводящего в сторону Рыбницкой башни. Выяснилось, что мостовая XIV в. не ведет непосредственно в Святые ворота, а сворачивает к малому захобу. По-видимому, первоначальный въезд на территорию Довмонта Города проходил через захоб со стороны Рыбницкой башни, а сооружение Святых ворот относится к более позднему времени. В XV в. перед Святыми воротами находилась замощенная площадка, переходящая в традиционную трассу дороги.

Среди вещевых находок отметим печать XII в. и заготовку для печати, относящуюся, судя по массивности, к XV в.

В. В. Седов, А. Р. Артемьев

ИССЛЕДОВАНИЯ В ИЗБОРСКЕ

Продолжено изучение оборонительных сооружений Изборского городища. При прорезке вала в 1983 и 1984 гг. на его вершине были зафиксированы остатки каменной стены. В 1985 г. для ее исследования были заложены три траншеи в юго-западной части городища. Открыты участки стены на высоту до 1 м при ширине 2,5 м. Стена была поставлена без фундамента непосредственно на вершине вала, который был насыпан на рубеже XI и XII вв. Она имела внутреннюю и внешнюю облицовку, сложенную насухо из крупных блоков известнякового камня. Срединную часть составляла забутовка из рваного камня со щебнем. В отдельных местах забутовки зафиксированы пустоты, вероятно, от стояков, составляющих деревянный каркас каменной стены. Устройство каркаса выяснить не удастся. Не удалось определить и древнюю высоту стены.

Каменная стена венчала вал на всем его протяжении. Она соединялась с оборонительной стеной, прослеженной раскопками прошлых лет по краям городищенской площадки. Строительство каменной стены по всему периметру поселения было единовременным и датируется рубежом XI и XII столетий.

После перерыва продолжены раскопки в Изборской крепости на Жеравьей горе, основанной в 1330 г. Раскоп площадью 206 кв. м заложен в северо-восточной части крепости. Он вплотную примыкал к участку, исследованному в 1978—1980 гг. Толщина культурных отложений от 0,4 до 1 м. Прослежено три пожарища, которые на основе вещевых находок и керамического материала можно отнести к концу XIV в., к известному по летописям пожару 1513 г. и к середине XVII в. В угольных слоях пожарищ зафиксированы следы сгоревших срубных строений и разрозненные остатки печей-каменок.

Среди вещевых находок из раскопа преобладают железные бытовые изделия — замки, ключи, дверные пробойники, скобы, подковки от обуви и др. Орудия труда немногочисленны — скобели, пила, ложки, каменные рыболовные грузила, бронзовая блесна. Встречены и украшения — бронзовые амулеты в виде ножен, игольник, два печатных перстня, агатовая бусина. Монетные находки (Сигизмунда II Вазы, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича) принадлежат к самому позднему периоду жизни Изборской крепости. Невдалеке от крепости найдена печать псковского владычного наместника первой половины XIV в.

А. Р. Артемьев

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПСКОВСКИХ ПРИГОРОДОВ (ВРЕВ, КОТЕЛЬНО, ВЫБОР, ВЛАДИМИРЕЦ, ДУБКОВ)

Отряд Псковской экспедиции обследовал восточные пригороды Пскова.

В д. Врев (Новоржевский р-н) изучалось городище — детинец (0,6 га) города Врев, впервые упомянутого в «Списке русских городов дальних и ближних» (1390—1391 гг.). В шурфах найдена гончарная керамика XIV—XVI вв. и лепная керамика второй половины I тыс. н. э. Впервые зафиксирован посад. Среди подъемного материала на посадке (площадь 8 га) помимо многочисленных фрагментов керамики, найден железный вток от древка копья и деталь удила.

В с. Выбор (Островский р-н) обследовано городище (2 га), являющееся детинцем города Выбор, упомянутого под 1431 г. В шурфе найдена керамика XV—XVI вв. и пастовая вставка для перстня с изображением холма, дерева, церкви и человека. На городище у развалин ц. Успения сохранились 13 каменных крестов XV—XVI вв. Все они имеют высеченные изображения семи или восьмиконечного креста на голгофе в средокрестии и традиционной надписи «Царь Славы Иисус Христос Ника» (в сокращении и под титлами) на лопастях. Еще три креста зафиксированы на территории бывшего Воздвиженского монастыря (XVI в.), один из них с надписью. На территории посада (площадь 8 га) собрана керамика XV—XVI вв.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

	Стр.
Седов В. В. (Москва). Этногенез древних славян (современное состояние проблемы)	55
Граудонис Я. (Рига). Кивуткалнский могильник эпохи бронзы	57
Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. (Москва). Из истории формирования древнескандинавской топонимии пути «из варяг в греки»	59
Спирidonов А. М. (Москва). «Карельские» известия из скандинавских саг в контексте средневековой истории края	61
Джаксон Т. Н., Глазырина Г. В. (Москва). Бьярмия в отечественной историографии	62
Риер Я. Г. (Могилев). Средневековая деревня в археологии Польши	65
Гаряев Р. М. (Москва). Метрология, как вспомогательный инструмент при исследовании памятников древнерусского зодчества	66
Кондратьева О. А. (Ленинград). Технология производства средневековых односторонних наборных гребней	67

ПСКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1985 г.

Седов В. В. (Москва). Археологические исследования на новостройках Пскова	71
Волочкова О. К., Кильдюшевский В. И., Колосова И. О., Седов В. В., Фараджеева Н. Н., Харлашов Б. Н. (Псков, Ленинград, Москва). Раскопки на ул. Ленина	73
Харлашов Б. Н. (Псков). Раскопки на ул. Калинина	75
Закурина Т. Ю. (Псков). Раскоп Петровский-2	78
Белецкий С. В. (Москва). Раскоп Богоявленский-2	79
Белецкий В. Д. (Ленинград). Исследования в Псковском Кремле	79
Седов В. В., Артемьев А. Р. (Москва). Исследования в Изборске	80
Артемьев А. Р. (Москва). Обследование псковских пригородов (Врев, Котельно, Выбор, Владимирец, Дубков)	81

Сдано в набор 20.10.86.
Объем 5,25 п. л.

Подп. в печать 22.12.86.
Тираж 400 экз.

ТЖ 03679.
Зак. 3051.

Великолукская городская типография управления издательств,
полиграфии и книжной торговли Псковского облисполкома,
182100, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12